

ЖК Клуб
Никитский

Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»
Выпуск 35
«С другого берега»

Москва ■ 2008

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте» Выпуск 35
«С другого берега» —М., 2008.—64 с.
ISBN 5-8341-0088-0

В созвучности темы очередного заседания Никитского клуба с названием публицистического сборника А.И. Герцена «С того берега» выражена суть обсуждения, главный герой которого — «самый непрочитанный и недооцененный писатель и мыслитель России», о ком еще полтора столетия назад Л.Н. Толстой сказал: «Он ожидает своих читателей впереди. И далеко над головами теперешней толпы передаёт свои мысли тем, которые будут в состоянии понять их». Настало ли такое время для Герцена? Постановка пьесы Тома Стоппарда и проект «Берег утопии» в Российском Молодежном Академическом театре, а также дискуссия Никитского клуба, содержание которой изложено в данной книге, — это стремление понять и одновременно призыв прочесть Герцена, чтобы убедиться в удивительной актуальности его мыслей. Мыслей скитальца в поисках идеала свободы и автора строк: «Нельзя людей освободить в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри...».

ББК 83

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 35
«С другого берега»

Редактор выпуска Н.М. Румянцева, редактор В.Ю. Григорьева
Вёрстка М.Ю. Иванюшин

Подписано в печать 29.08.2008.
Формат 70x100/16. Бумага мелованная. Гарнитура «Гарамон».
Усл.-печ. л. 5,5. Заказ 02660. Тираж 1000.
Отпечатано в ЗАО «Московская межбанковская валютная биржа».
125009, Москва, Большой Кисловский переулок, 13

ISBN 5-8341-0088-0

© ММВБ, 2008
© Никитский клуб, 2008

Никитский клуб ученых и предпринимателей

НИКИТСКИЙ КЛУБ заявил о своей публичной деятельности в марте 2000 года, в июне того же года получил юридический статус. Название «Никитский», с одной стороны, связано с местом рождения Клуба, с другой — отражает стремление его основателей к культурно-исторической преемственности. Современное здание Московской межбанковской валютной биржи, оказавшей неоценимую поддержку в создании Клуба и организации его встреч, находится в непосредственной близости к месту расположения в прошлом Никитского монастыря, основанного в XVI веке боярином Никитой Романовичем Юрьевым — отцом патриарха Филарета. В районе Никитских улиц Москвы, получивших свое название от монастыря, в разное время жили выдающиеся люди России: князья Юсуповы, графы Толстые, А. В. Суворов, В. И. Вернадский, П. И. Чайковский, представители крупного московского купечества, промышленники, фабриканты. Сохранились памятники архитектуры, авторами которых были М. Ф. Казаков, Д. И. Жилярди, К. В. Терский, др. На Никитском бульваре в XIX веке размещался сначала Коммерческий, затем Государственный банк (в здании Музея Востока). В этом районе по сей день находятся научные, культурные учреждения, формируется современный деловой центр.

**Круглый стол
«С другого берега»
20 декабря 2007 г.**

Участники обсуждения:

Аннинский Лев Александрович,
писатель, публицист

Арензон Евгений Рувимович,
старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН

Бондурянский Александр Зиновьевич,
проректор по учебно-методическому объединению Московской
Государственной консерватории им. П. И. Чайковского

Бородин Алексей Владимирович,
художественный руководитель Российского Академического
молодежного театра (РАМТ), народный артист России

Вишневский Анатолий Григорьевич,
директор Института демографии ГУ — Высшая школа экономики
(ВШЭ)

Голубев Александр Владимирович,
руководитель Центра по изучению отечественной культуры Института
русской истории

Давидсон Аполлон Борисович,
руководитель Центра африканских исследований Института
всеобщей истории РАН, профессор ИСАА при МГУ

Дискин Иосиф Евгеньевич,
сопредседатель Совета по национальной стратегии

Кантор Владимир Карлович,
член редколлегии журнала «Вопросы философии»

Капица Сергей Петрович,
президент Никитского клуба

Секиринский Сергей Сергеевич,
главный редактор журнала «Историк и художник»

Энтов Револьд Михайлович,
председатель Учебно-методического совета ГУ — Высшая школа
экономики (ВШЭ), заведующий сектором финансового рынка
ИМЭМО РАН

Яковенко Игорь Григорьевич,
главный научный сотрудник Института социологии РАН

а также актеры театра РАМТв сцене из спектакля «Берег утопии»
по пьесе Тома Стоппарда

Илья Исаев — Александр Герцен,
Степан Морозов — Михаил Бакунин.

Круглый стол **С.П. Капица.**

Приложение

Статьи победителей третьего конкурса эссе
«Человек на все времена» образовательной программы РАМТ,
посвященного 195-летию со дня рождения Александра Герцена.

С. П. Капица

Дорогие коллеги, уважаемые гости, позвольте мне открыть последнее в текущем году собрание Никитского клуба.

По традиции заседание в канун Нового года мы посвящаем более свободным, литературным темам, связанным, тем не менее, с основной повесткой нашего клуба. Героями наших обсуждений были поэт Велимир Хлебников, писатель М. Е. Салтыков-Щедрин, на этот раз мы обращаемся к личности Александра Герцена.

Я считаю, что Герцен — значительная фигура в русской истории, русской культуре и русской литературе. Он жил в XIX веке, но, может быть, в XX и сейчас, в XXI веке, его творчество привлекает больше внимания, чем в то время. Недаром многие современные художники явно или неявно обращаются к его творчеству, и сегодня у нас будет возможность обсудить эту тему с Алексеем Владимировичем Бородиным, художественным руководителем РАМТ, постановщиком пьесы «С другого берега» английского драматурга Т. Стоппарда, посвященной Герцену и его окружению. Об этом А. В. Бородин расскажет чуть позже.

Наш первый и основной докладчик сегодня — Сергей Сергеевич Секиринский, главный редактор журнала «Историк и художник», доктор исторических наук, профессор. Его доклад называется «Герцен и свобода». Мне кажется, — возможно, я с некоторой навязчивостью постоянно об этом говорю и думаю, — что свобода всегда предполагает ответственность. Я думаю, что ответственность Герцена как мыслителя и автора, — может быть, существенная часть того урока, который можно извлечь из его работ. Недаром говорят, что его статьи читал сам царь, возможно, не всегда признаваясь в этом.

Мы обращаемся к теме европейца, русского европейца. Герцен, конечно, был великим европейцем и великим гражданином мира, одной из первых, может быть, фигур такого масштаба, и, я думаю, потому он нам сегодня особенно интересен. Это была личность глобального мышления. Наконец, я думаю, его «Былое и думы» навевают аналогию, соответствующую тому, что история личности человека повторяет историю человечества, только в другом масштабе: пережив бурную юность и затем некий кризис, в зрелом возрасте человек реализует опыт, накопленный им во времена ранних приключений. Об этом писали классики, этот

ЖК клуб

Никитский

Фото В. Федорова

С. П. Капица

сюжет — вечный и он, по существу, отражен в законе Геккеля-Мюллера ¹. Кстати, это сыграло большую роль в эволюционном подходе к развитию человека.

Это мои впечатления, которыми я хотел поделиться с вами, а далее мне хотелось бы услышать, что расскажут другие выступающие, и передать слово Сергею Сергеевичу Секиринскому.

---

¹ J.P.Muller, 1801–1858, нем. анатом и физиолог; E.H.Haeckel, 1834–1919, нем. натуралист. Закон, согласно которому онтогенез (развитие отдельного высшего организма) есть краткое и быстрое повторение филогенеза (стадий развития организмов).

С. С. Секиринский

Меня попросили представить Герцена так, чтобы его жизнь, идеи, творчество были созвучны актуальным сейчас вопросам. А какие это вопросы? Да в сущности, те же, что волновали Герцена, те же, что задавал себе другой русский мыслитель — Георгий Петрович Федотов². Тоже, кстати, из эмигрантов...

Он-то мне и помог...

С. П. Капица

А был ли Герцен эмигрантом? По-моему, этот вопрос имеет смысл при всей своей парадоксальности...

С. С. Секиринский

Не будем торопиться, я постараюсь Вам ответить.

В конце Второй мировой войны Георгий Петрович пытался ответить на вопросы о происхождении свободы, о ее судьбах в мире и в нашей стране, о том, есть ли в сталинской России какие-либо залогов ее будущего освобождения? Скажем, в сфере культуры? Прививает ли свободолюбие русская классика? Ведь ее уже давно и с увлечением читают советские люди...

Ответ получался не слишком утешительным: «Из всей плеяды XIX века, в сущности, только Герцен может учить свободе. Но Герцен, кажется, не в особом почете у советского читателя», — тут же оговаривался Федотов.

Герцен как-то и сам заметил, что между знанием одиночек и пониманием «толпы» огромная разница «оттого, что их развитие разное»: судьбу своего наследия он тем самым и предсказал...

Его опыт мыслителя и политика был переосмыслен с позиций революционного прагматизма. Когда же революционный задор стал в нашей стране остывать, появилась пародийно-ироническая «Баллада об историческом недосыпе» Наума Коржавина с заголовком, повторявшим название знаменитой в то время ленинской статьи, — «Памяти Герцена», — и строкой, определяющей его место в нашей истории: «Он недоспал. Отсюда все пошло»³.

---

² Федотов Георгий Петрович (1886–1951), русский философ, публицист, историк культуры.

³ Здесь и далее в тексте выступления выделения (курсив, разрядка, абзацы и пр.) цитаты и сноски — автора.

В последнее время Герцен был у нас не в чести. Характерно, что и стимул для возобновления сравнительно широкого интереса к нему пришел с Запада, благодаря постановке в Москве Российским Молодежным театром (РАМТ) пьесы Тома Стоппарда «Берег утопии».

Само слово «утопия» в современном восприятии, с нашим опытом, вызывает скорее тревожные ассоциации: утопия — это нечто, противостоящее свободе. А каким образом то и другое уживалось в Герцене? Уживалось, — поскольку как свободно мыслящий человек он не мог не выходить до известной степени «из круга возможностей, данных историческим бытом». Ведь «жизнь, — по словам Герцена, — имеет свою эмбриогению, не совпадающую с диалектикой чистого разума», а «теоретические построения никогда не осуществляются так, как они носят в нашем уме»⁴. Да и как им осуществиться, если, по наблюдению Герцена, «действовать на людей можно, только грезя их сны яснее, чем они сами грезят, а не доказывать им свои мысли так, как доказывают геометрические теоремы».

Разве это не созвучно нашему времени!?

А для человека передового, мыслящего вопрос лишь в том, станет ли он рабом своей отвлеченной идеи или сохранит свободу и в отношениях с ней? Герцен сохранял свободу и призывал к этому других: «Когда бы люди захотели вместо того, чтоб спасти мир, спасти себя, вместо того, чтоб освободить человечество, себя освободить, — как много бы они сделали для спасения мира и для освобождения человека»⁵.

Не все его понимали. За эту внутреннюю свободу, за скептицизм, нередко обращенный и к самому сокровенному, Герцену доставалось. Он в ответ удивлялся, иронизировал: «А отчего вам хочется, чтоб в уме человека все было в обрез? Что за прозаическое сведение всего на крайне нужное, на необходимо полезное, на неминуемо прилагаемое»⁶.

Да и в том, что касается «крайне нужного» и «необходимо полезного» Герцен тоже ведь преуспел. По словам Федора Родичева, «он служил русской свободе не только тем, что он сделал, но и тем, чем он был»⁷. Он вырос в кругу русских западников эпохи Николая I. Еще «стесняясь» своей оппозиционности, они пытались скрыть под покровом верноподдан-

⁴ Герцен А. И. С того берега // Соч. в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 257, 306.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 306.

⁷ Родичев Ф. И. Воспоминания о русском либерализме. Newtonville, 1983. С. 14.

С. С. Секиринский

ничества острые углы европейского правосознания. А Герцен самим фактом своей эмиграции бросил им вызов и дал пример. Преодолев гражданскую робость российского западничества, он поступил как истый западник! В послании «к друзьям из России» (от 1 марта 1849 г.) Герцен ссылался на свое право и долг «в себе самом... уважать свою свободу и чтить ее не менее, как в ближнем, как в целом народе», ибо только на свободе лица «может вырасти действительная воля народа»⁸.

Индивидуальный правозащитный акт приобретал тем самым общественное звучание и нормативный политический смысл. Герцен остался в Европе именно потому, что оценил то «неписанное, нравственно обуз-

---

⁸ Герцен А. И. С того берега. С. 240.

дывавшее власть, инстинктуальное признание прав лица»⁹, которое он там обнаружил... Оценил и в полной мере воспользовался.

«Европа» преобразила и внешность Герцена: вместо хорошо выбритого лица появилась «щегольская борода», вместо «долгополого сюртука» — «пиджак, ловко и свободно державшийся на плечах». Чем не портрет «полного джентльмена западной расы», как зарисовал его Павел Анненков¹⁰?

Но Европой Герцен был крайне разочарован: искомой свободы он и там не нашел даже среди тех, кто за свободу боролся. Так родился его вердикт: «Роковая ошибка их состоит в том, что увлеченные благородной любовью к ближнему, к свободе они бросились освобождать людей прежде, нежели сами освободились, они нашли в себе силы порвать железные грубые цепи, не замечая того, что стены тюрьмы остались. Они хотят, не меняя стен, дать им новое назначение, как будто план острога может годиться для свободной жизни»¹¹.

Подобных упреков у Герцена рассыпано много. Но вот что интересно. За мрачно карикатурными фигурами «монархических» республиканцев и «казенных» социалистов Запада, выписанными на страницах его сочинений периода эмиграции, различимы абрисы слишком осторожных русских реформаторов и попечителей крестьян или учебных округов: им хотелось бы и свободы для опекаемых, и того, чтобы она не выходила из предустановленных границ¹². «Дело будет сделано без произнесения слова свобода, и рабство исчезнет незаметно для самого раба!»¹³ — лучше, пожалуй, и не выразить природу реформаторских интенций того времени, чем это сделал граф Павел Киселев, «начальник штаба по крестьянской части» (!) у Николая I. Трагикомические образы иноземцев накладываются и на коренные русские прототипы. В герценовском сарказме по поводу «привилегированных освободителей человечества» слишком много горечи выращенного и понукаемого властью русского интеллигента: «Плетью гонят нас к просвещению, плетью наказывают слишком образованных», — резюмировал Герцен «диалектику» российской истории еще в своем дневнике.

---

⁹ Герцен А. И. С того берега. С. 241–242.

¹⁰ Там же. С. 278.

¹¹ Там же. С. 278.

¹² См.: Герцен А. И. Дневник: 1842–1845//Соч. в 9 т. Т. 9. М., 1958. С. 142 (запись от 18 января 1844 г.).

¹³ См.: Герцен А. И. Былое и думы//Соч. в 9 т. Т. 6. М., 1957. С. 348.

А в начале 1860-х годов он столкнется уже с новым поколением русских бунтарей, с беспардонностью молодой русской эмиграции и дополнит череду парадоксов русского развития *р а з о б л а ч е н и е м* и этих «Собакевичей нигилизма» — выходцев из подневольной среды: «Передняя, казарма, семинария, мелкопоместная господская усадьба, перегнувшись в противоположное, сохранились в крови и мозгу, не теряя отличительных черт своих»¹⁴.

Мимикрия духовного рабства, его способность к перевоплощениям под вывеской самых передовых идей — «сквозной» мотив Герцена.

Избавление человека от незримых уз окружающей среды и признание безусловного права личности наперекор всему «идти своей дорогой, видя, что дорога других идет не туда»¹⁵ — императив, который Герцен вывел из опыта отечественных и зарубежных «эмансипаций», освобождений и революций.

От полного ухода в себя или в мир социальных грёз после 1848 года Герцена спасли жажда «живого» дела и ход событий на родине. А в итоге — присущее ему «пониманье» действительности. Заставляя порой беспощадно «казнить» старый мир, это понимание вместе с тем, как он выразится на склоне лет, и «страшно обязывает», противопоставляя радикальному образу мыслей «неотступные угрызения разума и неумолимые упреки логики»¹⁶.

Да и в первое десятилетие эмиграции, преодолевая «нравственную неволю», в которой, как ему казалось, пребывали даже лучшие из европейцев, Герцен не пренебрегал преимуществами их «наружной» свободы.

Сложение достоинств этого истинно свободного русского человека и конституционного строя Англии, еще недавно в сердцах названной им «европейским Китаем»¹⁷, дало впечатляющий результат. Так родилась сила вольной русской печати, сила «Колокола», ставшего не органом доктринеров, а «протестом России, ее криком освобождения и боли», ее «иронией» и «мстью», отголоском дум и настроений мыслящей части общества.

Оставшись в эмиграции, Герцен стал, тем не менее, активным действующим лицом общественно-политической жизни предреформенной России.

---

¹⁴ См.: Герцен А. И. С того берега. С. 233–373.

¹⁵ Герцен А. И. К старому товарищу // Герцен А. И. Эстетика. Критика. Проблемы культуры. М., 1987. С. 533.

¹⁶ Там же. С. 533.

¹⁷ См.: Герцен А. И. С того берега. С. 339.

Много ли было русских, кому это удалось повторить?

Его опыт не укладывается в прокрустово ложе какого-то одного течения общественной жизни. Предоставляя всем сторонникам обновления России возможности для более отчетливого политического самовыражения, Герцен своим уникальным опытом и примером содействовал становлению в России как социалистической, так и либеральной традиции.

Независимый печатный станок за границей стал для отечественных либералов своего рода планкой, на преодоление которой им понадобилось немало лет, а бесцензурная речь Искандера — масштабом, с которым они сверялись для оценки меры своей свободы. «Ваше бесценное свободное слово нас отрезвляет — заставляет нас сличать наш язык с вашим», — благодарил Герцена видный славянофил и деятель крестьянской реформы 1861 года А. И. Кошелев.

Отдавая предпочтение мирному пути преобразований и выдвигая на первый план освобождение крестьян с землей, восстановление достоинства личности, свободу слова и гласность, Герцен не предрешал, в конечном счете, вопроса о средствах, ибо в этом — «поэтический каприз истории» и «мешать ему неучтиво». Сознание бессилия разума обуздать «демоническое начало истории», сознание ее непредсказуемости породило в художественном уме автора «С того берега» эту метафору. В ней не было политического цинизма. Зато у Герцена всегда оставался простор для личного выбора. Ведь «история импровизируется, редко повторяется, она пользуется всякой нечаянностью, стучится разом в тысячу ворот... которые отогрутся... кто знает»¹⁸.

«Религия демократии», как и иерархия республиканской «церкви», были ему чужды. Поэтому он и недоумевал, отчего «Александр II по своему чину должен быть отлучен нами...»? Важно, что император понимает «неотлагаемую необходимость» освобождения крестьян. Этого достаточно, чтобы иметь с ним дело!

Преодолевая «в идее» все «религиозное» и «политическое», Герцен на деле остается *раскрепощенным* политиком. Он пишет обращения к Александру II, подталкивая его на путь преобразований; разворачивает в «Колоколе» широкую обличительную кампанию против злоупотреблений бюрократии, открывая глаза на них не только обществу, но и царю, и даже излагает свои мысли о воспитании подрастающего наследника

---

¹⁸ Герцен А. И. С того берега. С. 259.

престола в письме к императрице, имея в виду только цель — «увеличить счастливые шансы в пользу ближайшего будущего России»¹⁹.

Русским либералам понадобилось почти полвека, чтобы дозреть до издания за границей журнала «Освобождение», сопоставимого с «Колоколом» в его лучшие годы по характеру мирной пропаганды и авторитету в России. Но посланий к императору, подобных тем, что помещал Герцен в «Колоколе», редактор-издатель «Освобождения» Петр Струве уже не писал. Сказывался непримиримый дух времени и «партийная» дисциплина, от которой был вполне свободен его знаменитый предшественник.

И еще одно свойство Герцена — его дар художника видеть жизнь и политику в их единстве как многоактную человеческую драму, искать в истории неожиданное соприкосновение судеб. Может, это и рождало иллюзии, но зато смягчало его взгляд на людей.

14 апреля 1865 года в Америке через пять дней после капитуляции остатков армии «южан» жертвой покушения стал президент Линкольн. «Какая *великолепная* смерть!»²⁰, — откликнулся Герцен на эту печальную весть. Его минутное упоение трагической эстетикой гибели освободителя чернокожих рабов, — спустя всего пять дней после победы в гражданской войне, — сродни состоянию искушенного зрителя, наблюдающего сценического героя в мгновения кульминации.

В широком контексте герценовской мысли эпитет «великолепная» расшифровывается и как «своевременная». Ведь подчас бывает достаточно сорока дней, «чтобы из величайшего царя России, из освободителя крестьян сделаться простым убийцей, убийцей из-за угла!».

«Зачем этот человек не умер в тот день, когда был объявлен русскому народу манифест освобождения!»²¹ — воскликнул Герцен в ответ на известие о расстреле демонстрации в Варшаве в апреле 1861 года.

Спустя несколько лет там, где еще недавно взорам, преисполненным ожиданий, открывалась фигура Александра Освободителя, иные уже начинали видеть *мишень* для стрельбы. Но не Герцен.

Его понимание пополнилось личным опытом: век любого триумфатора, будь он императором, президентом, или властителем дум молодого поколения, скоротечен...

---

¹⁹ Герцен А. И. Соч. в 30 т. Т. XIII. С. 353.

²⁰ Герцен А. И. Соч. в 30 т. Т. XXVIII. С. 71. Эти слова в оригинале написаны по-французски: «Quel [le] mort magnifique».

²¹ Герцен А. И. Mater dolorosa // Соч. в 9 т. Т. 7. М., 1958. С. 366.

В пору больших реформ сочинения Герцена не только переписывались, но и заучивались наизусть русской молодежью, подобно тому, как не было в России ни одного учителя гимназии (по свидетельству Ивана Аксакова²²), который не знал бы наизусть знаменитого письма Белинского к Гоголю...

В этом было что-то религиозное и для самого Герцена неприемлемое. Но вслед за Белинским Герцен стал властителем дум...

«Переведите» это словосочетание с «интеллигентского» языка на традиционный язык двух основных сословий дореформенной России — крепостных крестьян и помещиков, и получится... «*владелец души*». В канун освобождения крестьян кредо *душевателя* было, конечно, несовместимо с ролью *властителя дум*. И все же многократный успех этого общественного призвания в России не может не настораживать. Интеллигенция искала порой не столько свободы, сколько «мудрого пастыря», точно знающего, «что делать», а для Герцена эта роль была противоестественна.

Вместе с Историей он продолжал стучаться в разные двери.

И среди его адресатов оставался император Александр II.

Возможно, потому еще, что человеческая жизнь представлялась Герцену (по аналогии с его собственной судьбой) волнообразной чередой взлетов и неудач, приобретений и потерь, раскаяний и обновлений. А он вовсе не *отказывал царю в праве быть человеком*, особенно, в «грозные» для того минуты ранней смерти сына-наследника в 1865-м или покушения на него самого в 1866-м...

Позиция Герцена вызывала разочарование и упреки с противоположных сторон: радикалы ставили ему в вину продолжавшиеся обращения к монарху, забвение республиканских идеалов, либералы не могли принять ни его предупреждения о роли в истории топора, пусть и как последнего довода «притесненных», ни проповеди социализма, ни защиты восставшей Польши.

Но, в конце концов, полемика с либералами оказалась для Герцена более плодотворной. В этом смысле особенно показателен его диалог с Константином Кавелиным. Я утверждаю это, несмотря на то, что их отношения завершились личным разрывом в 1862 году! Камнем преткновения стал вопрос о судьбе дворянства, быстро переросший в спор о перспективах революции в России.

---

²² Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 453, 457 (письма от 17 сентября и 9 октября 1856 г.).

«Выгнать династию, перерезать царствующий дом, — писал Кавелин Герцену еще в 1862 году, — это очень нетрудно и часто зависит от глупейшего случая; снести головы дворянам, натравивши на них крестьян, — это вовсе не так невозможно, как кажется; приучить солдата к мысли, что он должен идти против того, против кого ему вздумается, с некоторым усилием тоже не невозможно. [...]

Только что будет затем? Тб, что есть, не создаст нового, по той простой причине, что будь оно новым, — старое не могло бы существовать двух дней... Все скристаллизуется по-старому [...], да вдобавок со всею ненавистью к новому...»²³

Но это был странный спор, спор-монолог. Кавелин вел его, не встречая со стороны своего предполагаемого оппонента никаких возражений по существу. Видимо, их просто не было у Герцена, на протяжении 1860-х годов все более высвобождавшегося из-под власти неумолимых «консеквенций», вытекавших из его собственной доктрины, которой он, впрочем, себя не слишком стеснял.

Лишь спустя семь лет после разрыва с Кавелиным он попутно ответит и на его послание. В серии статей-писем «К старому товарищу» — Михаилу Бакунину. Именно там было сформулировано знаменитое герценовское пророчество: «Подорванный порохом весь мир буржуазный, когда уляжется дым и расчистятся развалины, снова начнет с разными изменениями *какой-нибудь* буржуазный мир. Потому что он *внутри* не кончен и потому еще, что ни мир *построяющий*, ни новая *организация*, не настолько готовы, чтоб пополниться, осуществляясь»²⁴.

И, наверное, самая важная из итоговых мыслей Герцена: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри»²⁵.

В свете таких высказываний мне порой кажется, будто и рожденные его воображением в Европе после революций 1848 года образы «монархических» республиканцев и «казенных» социалистов каким-то чудесным образом обрели плоть и кровь именно в современной России.

Главное, что сегодня представляется ценным в Герцене, — его опыт свободного человека, чуждого как «религии» старых верований, так и «ре-

---

²³ Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. Женева, 1892. С. 56.

²⁴ Герцен А. И. К старому товарищу. С. 530.

²⁵ Там же. С. 543.

лигии» общественного переустройства; его стремление и умение преодолеть «*нравственную неволю и подавторитетность*»²⁶. Причем, не только пользуясь неотъемлемым правом мыслящей личности выходить «из круга возможностей, данных историческим бытом», но и *обратным путем*, — стараясь «понять шаг людской в былом и настоящем, для того, чтоб знать, как идти с ним в ногу...»²⁷.

Герцен — художник, всегда стремившийся разглядеть за «общими понятиями» и «знаменами» всемирной истории Человека, ее истинное действующее лицо, а саму историю увидеть как сюжет, драму или трагикомедию, — особенно близок и нашему журналу, открытому для всех, кто любит историю, ценит искусство и чувствует их родство. Именно поэтому журнал открыт и для всего, что связано с Герценом, что его волновало, да и нас волнует сейчас. Уже ближайший выпуск «Историка и Художника» будет посвящен проблеме «Россия — Польша», в сущности, ставшей для Герцена еще одним испытанием его приверженности к свободе, — не только для себя и своей страны, но и для других, не схожих с нею миров. Вот все, что я хотел вам сказать.

С. П. Капица

Спасибо, Сергей Сергеевич. Вы поставили ряд вопросов, и я надеюсь, те, кто будут говорить после Вас, помогут ответить на эти вопросы и поставят новые.

Следующий выступающий в нашем списке — Владимир Карлович Кантор, философ, писатель, член редколлегии журнала «Вопросы философии».

В. К. Кантор

Доклад был сделан столь обстоятельно, что, слушая его, я думал, куда бы вклиниться, чтобы сказать что-то свое. Попробую подойти к тем же проблемам «боковым» ходом и начну, наверное, с эмиграции Герцена — эмиграции в Европу и разочарования в Европе.

В Европу он ехал, как мы знаем, искать свободу, и, оставшись в Европе, говорил: «Почему я здесь? Потому что свободное слово — здесь, и здесь не умираешь раньше, чем произнесешь это свободное слово. Я хочу

---

²⁶ Герцен А. И. К старому товарищу. С. 535.

²⁷ Там же. С. 539.

В. К. Кантор

его произнести»²⁸. Он произносил, но одновременно то, что он увидел в Европе, его пронзило. Герцен начал писать, о чем говорил Сергей Сергеевич, — об английском Китае, о французском мещанстве. И пытался это объяснить: мы, конечно, едем в Европу книжную, мы начитались много замечательных книг европейских мыслителей. Мы едем, желая увидеть здесь, условно говоря, шиллеров и гёте, а видим лавочников и мещан.

Эту тему мещанства, которой как бы прорастает Европа, как вы помните, подхватил К. Леонтьев²⁹. Он говорил, что самое лучшее, наверное, что Герцен в своей жизни сказал, — это указал на мещанство среднего

²⁸ Цитаты в тексте выступления в изложении автора.

²⁹ Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891) — русский философ, писатель.

европейца, которое в результате погубит человечество. В этом Леонтьев был острый, резкий и, разумеется, отнюдь не революционер-демократ. Но Герцен его за это полюбил.

Неприятие мещанской Европы, — а он искал свободы, его натура жаждала идеала свободы. Где его найти? У Сергея Николаевича Булгакова есть замечательная фраза о том, что Герцен задал вопрос Фауста, а ответил на него другой персонаж трагедии Гете — Вагнер (фаустовский Вагнер, т. е. не великий Фауст, а его помощник, ученик и пр.): спасение от мещанства — в русской общине. Почему? Почему вдруг в общине? Почему община — спасение от мещанства? Непонятно...

Еще один очевидный плюс, на мой взгляд, состоял в том, что Герцен, Леонтьев раньше, чем на Западе, угадали то, что потом Ортега-и-Гассет³⁰ назвал «восстанием масс». Мещанские массы, поднимающиеся снизу, в Европе эти русские люди увидели намного раньше, чем западные мыслители, — увидели, не осознав силы своего открытия, потому что смотрели извне и думали еще в категориях старого мышления. Предвидели явления XX века, но думали еще в категориях XIX века.

Это безусловное открытие Герцена. Но, исходя из этого, он совершает, на мой взгляд, некую страшную ошибку, превратившую его впоследствии в трагического героя. Он говорит примерно так. У Европы слишком богатое прошлое, Европе есть, что терять, поэтому она никогда не совершит революцию. Мы, русские, свободны от прошлого. Нам нечего терять, кроме проклятого московского царизма, еще более скверного петербургского германского императорства. Наше прошлое пусто, чудовищно, значит будущее за нами. Это ужасно понравилось радикалам — левым радикалам, недоучившимся мальчишкам, которые подумали: «А что, действительно! Запад не решится на революцию, потому что он слишком умный, а мы ничего не знаем, — значит, вперед, ребята!» И тут началась «нечаевщина».

Почему я говорю о Герцене «трагический герой»? Трагический — это герой, который совершает некий акт, порождающий явления, приводящие его и окружающих к гибели. Он, — и об этом писали многие, — в известном смысле породил больше русских радикалов, чем Чернышевский. И он же первый это заметил. Герцен пишет письма «К старому товарищу», которые не успевает опубликовать при жизни. Последние годы его

---

³⁰ Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955) — испанский философ-идеалист, публицист и общественный деятель.

жизни были, конечно, чудовищны: бесконечные семейные истории, расхождения с Нечаевым, Огаревым, Бакуниным, с бывшими друзьями, которые принимают Нечаева. И он один остается против и Огарева, и Бакунина, и Нечаева. Письма остаются в семье.

Надо сказать, Нечаев пишет угрожающее письмо Наташе Герцен, смысл которого заключался в том, что если она издаст эти письма, то существует такая группа «народная расправа», и она с ней расправится. Сын Герцена все-таки берет на себя смелость и издает письма «К старому товарищу». К сожалению, на молодых радикалов это уже не подействовало, они уже набрали слишком страшную силу.

Но мы-то сегодня, глядя на все это спустя полтора столетия, понимаем значение герценовского завещания о важности культуры. Мне очень нравится булгаковская мысль: бесконечный, великий вопрос Фауста, и нет ответов! Да, мещанство — плохо. А спасение что — русский радикализм? Вроде тоже нет. Радикализм — страшно? Да. Что ему противопоставить? Культуру? Но культуру мы только что ругали, как гирию на ногах Запада. Хотя он уже в письмах «К старому товарищу» говорит, что «довольно порушил статуи Конвент французской революции» и пр. Довольно, мы не тамерланы, чтобы все это рушить». Есть, как он говорил, капитал, в котором оседает история, оседает культура, и он нам необходим.

У меня ощущение от этих писем, как о заключительном монологе трагического героя, после которого он погибает. А дальше — как у Шекспира: все уходит, унося трупы. И дальше действительно стали уносить трупы...

С. П. Капица

Все идет, по-моему, как завещал Герцен. Когда я спросил, был ли Герцен эмигрантом (я продолжаю упорствовать на своем вопросе), по-моему, то, что сейчас было сказано, подтверждает его уместность. Не знаю, прав я или нет, посмотрим, что скажут остальные.

С. С. Секиринский

Я, по-моему, ответил на этот вопрос.

С. П. Капица

Вы тоже ответили, потому я и говорю, что при всей своей парадоксальности этот вопрос имеет смысл.

В. К. Кантор

Можно я скажу по этому поводу одну фразу? На пятом курсе филологического факультета студентка наивно спрашивает профессора: «Герцен, вообще, был за границей или не был?»

С. П. Капица

Понятное ощущение.

Следующий выступающий — Иосиф Евгеньевич Дискин, сопредседатель Совета по национальной стратегии.

И. Е. Дискин

Уважаемый докладчик начал с того, что возврат интереса к Герцену навеян нам сегодня из-за границы. Позволю себе не согласиться. Беру свою книгу, которая называется «Революция против свободы»³¹. Это антология на тему, чем жили люди и с каким багажом вышли после александровских реформ, поэтому книга не могла не начинаться с работ Герцена и его писем «К старому товарищу». Именно в этом ключе я хотел бы поговорить о проблеме.

Не хочу говорить об ответственности и считаю, что мыслитель не отвечает за то, как обращаются с его идеями. И менее всего, с моей точки зрения, стоит возлагать ответственность на Герцена за произошедшее впоследствии. Но как именно был прочитан Герцен в нашем отечестве, почему его видение было таким и в какой мере это видение может служить уроком для нас сегодняшних, — об этом, я считаю, стоит поговорить.

Герцен, прежде всего, был одним из активных приверженцев внеисторического сознания России, отрицания какой-либо ценности предшествующего исторического пути России. Он демонстрировал тотальный отказ от приятия и сочувствия проблемам, переживаемым Россией, — от того, что так важно было для позднего Пушкина, для Тютчева (вспомним его эпитафию Николаю I: «Не богу ты служил и не России, служил лишь суете своей...»). Все это было, я бы сказал, крайне отвратительно Герцену. Его взгляд в общем можно выразить словами «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног!»³², появившимися много позже после Герцена. Более того, я почти убежден, что их сочи-

³¹ Сборник. Сост. И. Е. Дискин. М.: Европа, 2007.

³² Слова из революционной песни «Рабочая Марсельеза».

Ж клуб

Нижинский

Фото В. Федорова

И. Е. Дискин

нили читатели Герцена. И такой урок был воспринят российской интеллигенцией.

Только однажды, почти полвека спустя, когда Герцен уже был достаточно известен и появились «Вехи», проявилась попытка оспорить эту жесткую традицию отрицания предшествующего исторического пути. Не обсуждение этого пути, нет, поскольку, что ж тут обсуждать? Запугаешься и неизвестно, к каким выводам придешь, — проще все отбросить и выстраивать умозрительные схемы. В этом смысле Герцен был, конечно, одним из идеологов последующей модели формирования взглядов на модернизацию и переустройство России. То, о чем он писал, — идеологически сформированная конструкция, ради воплощения которой Герцену не жалко было предшествующей истории, и издержки рассмат-

ривались как незначимые. Но как ни странно, Герцен был, конечно, русский человек.

В чем проявлялась эта «русскость»? Стремление раз за разом воплощать идейно сформированные конструкции — историческая традиция в России: «Третий Рим», «петровский парадиз», Павел I с его идейными представлениями, стоившими ему головы. В этом смысле Герцен воплощал великую российскую историческую традицию. Согласитесь, парадокс феноменальный. Человек, тотально отрицавший любые исторические традиции России, сам был глубоко ими проникнут! И мы, в общем, продолжаем жить в этой традиции: реформы 1992 года, точно так же как и социалистические, были насильственным воплощением идеологических конструкций. Это надо осознать. Ведь и тогда, и в наше время жесткий идеологический спор шел не о способах преобразования России, а только о том, какие образцы выбрать для насильственного воплощения идеала.

Когда мы поймем существо этой фундаментальной закономерности развития России, когда поймем, что Герцен был одним из тех, кто упрочивал этот круг движения российской истории, из которого нам надо найти выход, тогда мы сможем сойти с этого сомнительного пути и с полным чувством ответственности нести цветы к памятнику одного из величайших мыслителей России.

С. П. Капица

Спасибо, а сейчас слово литературоведу — Евгению Рувимовичу Арензону, старшему научному сотруднику Института мировой литературы РАН.

Е. Р. Арензон

Сегодня кто-то сравнил Европу с Китаем. Замечу, что у Велимира Хлебникова есть повесть «Ка» (1915); она начинается словами о современной войне, которую ведет Белый Китай. Долгое время это была одна из загадок эзотерического текста, только в последних изданиях внятно откомментированная. Герцен называл китайцев «желтолицыми позитивистами» и предупреждал об опасности китаизации буржуазной Европы. Представление Европы (в частности Германии) как Белого Китая стимулировало образ России как Белой Индии (это особенно отчетливо в поэзии Н. Клюева). Так через русскую литературу серебряного века мы вступаем в проблемную область современных отношений России с окружающим ее миром.

Напомню афишу замечательного спектакля «Берег утопии», который и собрал нас для сегодняшнего разговора. Эта видеометафора изображает человека с завязанными глазами; человек весь в напряженном ожидании встречи с чудом. Так автор пьесы Том Стоппард, живущий в реальности европейского общества, представил передовых русских людей XIX века, слепо мечтавших о Западе как обетованной стране счастья и правды.

Главным персонажем английского драматурга является А. И. Герцен. Хотел бы напомнить о двух взаимосвязанных главах его знаменитой книги «Былое и думы», они называются «Наши» и «Не наши». Круг самого Герцена — это «наши». Ему противостоят «славяне или славянофилы». В чем же заключалась позиция европейца Герцена, писавшего свои мемуары уже «на том берегу», после крушения многих его иллюзий? Он утверждает: «Мы смотрели в разные стороны, а сердце у нас было одно». Почему же у человека западной ориентации одно сердце с его идейными врагами?

Любой человек, прошедший обучение в русской школе, знает поэтическую мифологию о Петре Великом, прорубившем окно в Европу. Но для славянофилов (как и для Герцена) великий самодержец — совершенно отрицательная историческая персона. По словам Герцена, с Петра начинается «государственный терроризм», длительный процесс просвещенного рабства. Верхний слой общества, в приказном порядке переодетый в европейское платье, стал послушным и безгласным проводником монаршей воли. Но вкусивший плоды европейского образования этот слой породил неведомое в Европе духовно-нравственное состояние интеллигентского преклонения и покаяния перед народом, оставшимся в лаптях и онучах. Русская интеллигенция эволюционировала от усадебного вольтерьянства через деревенское народолюбие к городскому радикальному народовольству. Однако в кризисные моменты социального напряжения интеллигенция неизменно чувствовала народную вражду, реализуемую в поджогах и погромах (как в «Двенадцати» А. Блока: «Запирайте этажи, нынче будут грабежи!»).

Еще один важный момент для понимания позиции Герцена. Мы привыкли связывать ментальную оппозицию России и Европы с именем П. Я. Чаадаева. Замечательный словесный портрет этого гусара-философа дан в главе «Не наши»; все дальнейшие биографии салонного мыслителя, объявленного государством сумасшедшим, основаны на свидетельстве Герцена. Тем не менее для самого Герцена перелом

Е. Р. Аронзон

в русской умственной жизни начинается не с «басманного сидельца» (Чаадаев жил на улице Старой Басманной в Москве и почти не выходил из дома — *Ред.*), а с его оппонентов, впервые предпринявших попытку объяснить феномен России не с точки зрения западно-христианской морали, а опираясь на опыт собственного национального существования в духовных границах православия. При этом Герцен отрицает иконообразные представления славянофилов о замечательном прошлом допетровской Руси, о необходимости возвращения на почву исконных начал.

Отрицая этот пафос консерватизма, Герцен ценит в своих противниках искренний и практически важный интерес к стихиям национальной жизни. Он сам видит эту стихийность в наличных устоях крестьянской общины как фундамента русского социализма. Мы знаем, что теоретически и практически эта идейная схема давно опровергнута. Но ведь само представление об органике жизненных процессов в конкретных

национально-государственных образованиях подтверждается разными явлениями культуры и быта, традицией умонастроения народа, историей освоения им собственного «месторазвития» (позднейший термин евразийской социогеографии). И у Герцена есть образ России как огромного человека, стоящего одной ногой у границы с Германией, а другой — у Тихого океана. Естественно, что эта личность (если она жива!) должна обладать собственным самосознанием, пониманием особенности того места, которое она занимает в мире.

Здесь и начинается важнейший для меня момент актуализации давнего спора «наших» и «не наших». Сегодня напор шовинистических антизападных настроений очень силен и как бы алогичен. Но все же ситуацию можно понять. Вот телевизионная картинка дня: спорят кандидаты на пост президента России — якобы западник и якобы восточник. Западник обещает, придя во власть, немедленно вовлечь страну в НАТО и Евросоюз. И чем элементарнее, детски наивнее звучат эти ничем не мотивированные обещания, тем брутальнее риторика оппонента. Публика, абсолютно поддерживая антизападника, едва ли осознанно отрицает ценности евроатлантического сообщества. Просто всем понятно, что Россию никто в европейский политический союз не приглашает. Более того, России с ее огромной территорией и большим населением невозможно войти в эту корпорацию, не подмяв ее под себя.

Старая Европа, с трудом интегрируя польских сантехников, с тоской думает, что ей придется еще вплотную заниматься проблемой украинского сала. Европа хочет по-соседски жить и дружить с Россией как особым геополитическим организмом, имеющим свои амбиции и свои интересы. И России надо думать о равноправных деловых отношениях и с Европой, и с Китаем, и с Америкой. Скажу больше: настроение телеаудитории, поддерживающей в своем большинстве антизападника, в значительной степени диктуется неприятием нашего внутреннего социально-культурного раздора, имеющего псевдолиберальные вывески якобы иностранного происхождения.

Для более объемной исторической ретроспективы приведу интересное высказывание выдающегося революционного советского деятеля, потерпевшего страшное политическое поражение, но человека литературно одаренного и воспитанного во многом на ценностях западного миропонимания. В книге «Моя жизнь», вышедшей впервые в 1929 году, Л.Д. Троцкий пишет о своем поколении отрицателей отечественных порядков: «Параллельно с глухой враждой к политическому режиму России

складывалась незаметным образом идеализация заграницы: Западной Европы и Америки. По отдельным замечаниям и отрывкам, дополненным воображением, создавалось представление о высокой, равномерной, все без изъятия охватывающей культуре. Позже с этим связалось представление об идеальной демократии. Молодой рационализм говорил, что если что-нибудь понятно, то, значит, и осуществимо». Троцкий пишет далее, что людям его круга казалось невероятным, что в Европе и Америке существует суеверие, большую роль играет клерикализм, господствует культ чистогана и т. д.

Отметим этот параллелизм (вражда к официальной России и отсюда восторженный взгляд на ценности и порядки Запада) как своеобразную парадигму российской либеральной мысли. Так было до Троцкого, так осталось и после него. В наше время кардинально поменялись только полюса значимостей. Сегодня российские «левые» (исторически носители идеи перемен) — это сплошь консерваторы и патриоты разных степеней национализма, все они зрят в свои корни и ориентированы на восток. Напротив, российские «правые» (исторически носители идеи охранительства) — это обязательно либералы-западники, укоряющие свою убого-терпеливую страну динамическими достижениями стран цивилизованных. Удивительно ли, что на Западе нас не понимают сегодня так же, как не понимали вчера? Поскольку там, на Западе, «левые» и «правые» занимают свои традиционные места на флангах общественно-политической классификации.

Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что автор пьесы, поставленной в Российском Молодежном театре, скорее «левый» (прогрессист), чем «правый» (консерватор). Во всяком случае, ему больше интересны герценовские «наши», чем хомяковские «не наши». Во всей огромной пьесе, потребовавшей семи часов сценического действия, среди большого количества персонажей лишь в одном акте мелькнул славянофил Константин Аксаков, напрочь отрицающий «берег утопии». Как человек реального, а не выдуманного Запада Т. Стоппард отстраненно-любопытным взглядом просматривает историю русского либерализма, очевидно, ему близкую и симпатичную. Но именно такой взгляд и стимулирует форму буффонады, почти шутовства. Люди заведомо честные, пылки, но зашоренные излишним энтузиазмом веры разыгрывают смешной и печальный балаган.

Думаю, что спектакль Алексея Бородина дает ту эстетическую смесь просветительского историзма и охлаждающей иронии, которой в культурно-общественной атмосфере сегодняшней России явно не хватает.

С. П. Капица

Спасибо, Евгений Рувимович. Я хочу поделиться вот какими мыслями. Сегодня упомянули о критике Герцена со стороны либералов в связи с тем, что он писал царю, и как это нехорошо. Такая же критика была направлена против моего отца, после того как были опубликованы 300 его писем к советскому руководству: как он мог писать такие письма тем, кто тогда правил страной?! Такие параллели иногда возникают.

Было также сказано о том, что мы как-то заново переосмысливаем Запад. По-видимому, Стоппард переосмысливает наш исторический опыт тоже.

Продолжим нашу работу, и сейчас слово Анатолию Григорьевичу Вишневскому, директору Института демографии ВШЭ.

А. Г. Вишневский

Мне трудно представить себе русского интеллигента, который на протяжении своей жизни не слышал или сам не упоминал извечные русские вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?». Это стало настолько заезженным клише, что дальше некуда. Но мне кажется, что это совершенно несовместимые вопросы по сути, потому что, если вы знаете, кто виноват, то вопрос, что делать, отпадает: надо уничтожить виноватого, — и все вопросы будут решены.

У Герцена «Кто виноват?» имеет совершенно другой смысл. Сам эпиграф к этой повести гласит: «А случай сей за неоткрытием виновных предать воле божией, дело те, почислив решенным, сдать в архив». Правда, это не политическая история, но все равно там виноватых нет. Мне кажется, с таким представлением Герцен и жил всю жизнь, что, может быть, его и возвышает над очень многими искавшими виноватых.

Конечно, он не любил Николая I, спора нет, но с точки зрения его исторических взглядов, это не имело значения, поэтому он все время метался и, кстати, и не знал, что делать. Может быть, даже и не ставил этого вопроса или ставил иногда, но не находил на него ответа. А что, мне кажется, его всегда очень волновало и что, может быть, делает его особой фигурой в русской истории, в русской культурной традиции, — это постоянный интерес даже не ко всему русскому обществу, а к тому слою русского общества, к которому он сам принадлежал, считая западником себя и в той или иной мере других. Он писал, что они восприняли западные культурные достижения, как он говорил, «с поспешностью измены» — в каком-то смысле он и себя характеризовал таким образом. Отщепенцы всех сосло-

Ж клуб

Никитский

Фото В. Федорова

А. Г. Вишнеvский

вий, эти новые люди, эти нравственные разночинцы, составляли не сословие, а среду. И эта среда его особенно интересовала, о ней он писал и с ней связывал свои надежды в отношении будущего России.

Я не совсем понял Евгения Рувимовича, но Герцен четко сказал, что как раз петровские реформы раскололи Россию, разделили ее на «наших» и «не наших». И в этом смысле — я не герценовед, не историк, — но мне кажется странным говорить, что отношение Герцена к Петру было отрицательным, потому что Петр, можно сказать, был первым западником в России. Но дело не в этом, сейчас я хочу сказать о другом — об иллюзиях, возникших у него после отмены крепостного права, иллюзиях в отношении социального слоя в России, за которым он внимательно наблюдал, и о том, как он это комментировал.

Я приведу несколько цитат, может быть, еще и потому, что это немножко возвратит нас в наше время: «Литераторы в первый раз увидели возможность и удовольствие оставаться при всех выгодах либерализма, без всех невыгод оппозиции. [...] Россия жила в каком-то оптическом обмане: правительство ничего не уступало, литература и доля общества были уверены, что они берут все. [...] Уверовавшие журналы приняли тотчас чрезвычайно европейский характер — несколько консервативный, но далеко не прочь от прогресса, [...] забывая, что у нас много полиции и мало прав, что цензура — в самом деле, а суд только по форме, и облегчая, таким образом, значительно работу Третьего отделения. [...]».

А вот что пишет Герцен о странных петербургских пожарах 1862 года: «С поджогов, лишенных поджигателей, начинается циническая близость полиции и печати...».

И в другом месте: «Не даром народ русский любит поджег. Москва в 1812 пожаром освободила страну от иноплеменного ига, Петербург через 50 лет тем же средством освободил императорскую власть от ига либерализма и многих публицистов — от насилия претворяться благородными людьми... Революция, террор были побеждены, туча, нависнувшая над головами, прошла... [...] Испуганное общественное мнение жалось к правительству, журналистика была за него. В это время показываются первые опыты доносов в печати, первые требования энергических мер, т. е. казней»³³.

Это было все написано вскоре после освобождения крестьян, а потом, несколько позднее, еще понаблюдав некоторую эволюцию, Герцен писал уже с достаточной горечью о том, что это было не сословие, а среда, он говорил о том, что «тайных обществ не было, но тайное соглашение понимающих было велико». Потом был период, когда он внимательно наблюдал за тем, что происходило, и в конце 1860-х годов подвел такой итог: «Онегины и Печорины прошли. Рудины и Бельтовы проходят. Базаровы пройдут... и даже скоро. Это слишком натянутый, школьный, взвинченный тип, чтоб ему долго удержаться. На его смену напрашивался уже тип, в весне дней своих сгнивший, тип православного студента, консерватора и казеннокоштного патриота, в котором отпрыгнулось все гнусное императорской Руси...»³⁴.

---

³³ Герцен А. И. В этапе, 1863.

³⁴ Герцен А. И. Еще раз Базаров, 1869.

Пьеса Стоппарда, конечно, интересное, важное для нас событие, но на Западе Герцена знают плохо. У него там нет такого имени, как в России. А в России, — здесь я тоже не соглашусь, что он забыт, он не забыт: и перед революцией, и во время революции, и во время гражданской войны клялись именем Герцена. Все признавали Герцена — и официальное советское литературоведение, и история, и т.д. И оттого, что улица Герцена в Москве стала опять Большой Никитской, Герцен не исчезнет. Герцен остается как совершенно живой комментатор событий нашего времени — в этом его сегодняшний смысл. Конечно, не под каждым словом Герцена можно подписаться, но не в этом дело. Еще очень много и надолго живого Герцена и в том, что он говорил, и в том, как он говорил, — я не литературный критик, но мне кажется, один русский язык Герцена многого стоит.

С. П. Капица

Сейчас я хочу предоставить слово Револьду Михайловичу Энтову.

Р. М. Энтов

Я хотел бы поддержать тональность прозвучавшего уже анализа. Герцен, по-видимому, действительно одна из трагических фигур в интеллектуальной российской истории. Особенно убеждает в этом хорошая пьеса Тома Стоппарда, замечательно поставленная в РАМТе, в которой ярко показан трагизм Герцена, его личная трагедия.

Хочу обратить внимание на отдельные черты духовной трагедии, связанные с тем, что Герцен любил относить себя к социалистам, хотя очень многое мешало ему быть социалистом в принятом в то время смысле. Это был, прежде всего, стандартный социалист, который плохо верил в идею прогресса и очень подозрительно относился к тому, что нынешние поколения должны принести себя в жертву следующим поколениям, обеспечивая их счастье.

Хорошо известна замечательная метафора Герцена: бурлаки тянут тяжелую барку и, выбившись из сил, падают в грязь; оставшиеся, по колено в грязи, тащат эту барку дальше. А цель, до которой они должны ее дотащить, отодвигается по мере продвижения, потому что, говорит Герцен, прогресс бесконечен³⁵. Я думаю, вряд ли есть страна, где эту метафору могут понять лучше, чем в России. Достаточно вспомнить чудовищные

---

³⁵ Герцен А. И. С того берега, часть I (1847).

жертвы гражданской войны, голодомор индустриализации и коллективизации, лишения первых послевоенных лет. Все тяготы при этом объясняли тем, что нынешнему поколению (а это и первое, и второе поколения) выпала трудная судьба. Первым, кто сообразил, что дальше повторять так просто неприлично, был Никита Сергеевич Хрущев, который наконец сказал, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме. Мы помним, что из этого получилось.

Эта трудная дилемма социалистического движения мучительно воспринималась Герценом — человеком хорошо образованным, который прекрасно понимал и писал, что смысл жизни каждого поколения и ее полнота в нем самом. Это убеждение с самого начала вырывало Герцена из числа стандартных социалистов, свято веривших в светлое будущее.

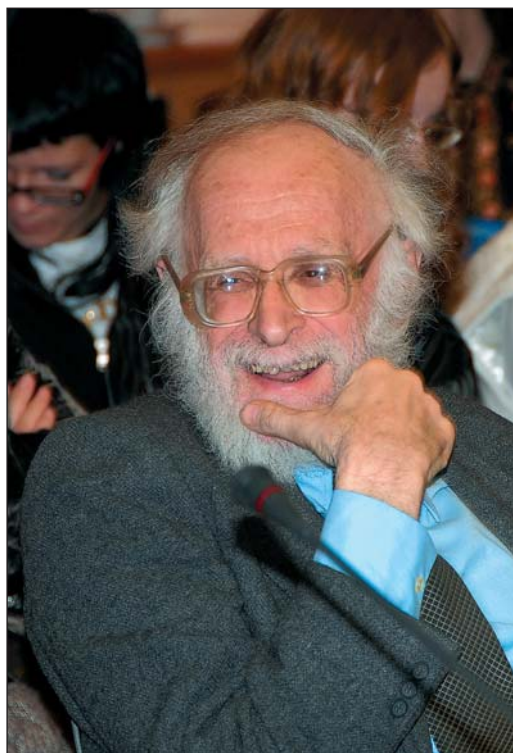
Примерно в те же времена, чуть раньше, Сен-Симон писал, что все говорят о том, что светлое будущее в прошлом, — ничего подобного, светлое будущее в будущем. Светлая жизнь, царство, золотой век не в прошлом, а в будущем. По-видимому, возникали и другие серьезные проблемы. Когда о социализме пишет Ортега-и-Гассет, он говорит, что интимная по своей природе, сентиментальная религиозная вера уступает место вере, основанной на здравом смысле, — рассудочной, рациональной, апеллирующей к разуму. И важнейшими инструментами такой рациональной социальной инженерии служат новое государство, хорошие справедливые законы, обеспечивающие свободу, и т. д.

Герцену все это не внушает большого доверия. Герцен пишет, что на самом деле свобода может быть предоставлена либо каждому человеку как личная свобода, либо государству. В России свободой пользуется только государство, «пользуется искони», пишет он, как пользуется персидский шах. В другом месте он говорит, что российское государство исхитрилось объединить в себе азиатского шаха и прусского вахмистра. В этой ситуации выясняется, что помышлять о рациональной стратегии преобразования сверху, так называемой реформы сверху, довольно опасно. В письмах «К старому товарищу» он пишет, что «насилием и террором учреждаются самодержавные империи», и отношение к Петру выявляется совершенно отчетливо: «Петроградизмом (от Peter le Grand. — *Ред.*) социальный переворот дальше каторжного равенства Гракха Бабефа³⁶

---

³⁶ Гракх Бабеф, наст. имя Франсуа Ноэль Бабеф (François Noël Babeuf) — французский революционный коммунист-утопист (1760–1797).

Р. М. Энтов

и коммунистической барщины Кабе³⁷ не пойдут». Поэтому с самого начала у Герцена достаточно подозрительное отношение и к вынашиванию новых хороших революционных законов.

Для Герцена действие законов само по себе не имеет существенного значения. Закон хорош там, где его уважают, используют. И с этой точки зрения российская традиция с самого начала убеждает Герцена в том, что вынашивание добрых законов — дело неперспективное. В работе «О развитии революционных идей в России» Герцен пишет: «Русский, к какому бы классу он ни принадлежал, нарушает закон всюду, где он может сделать это безнаказанно; точно так же поступает российское правительство».

³⁷ Кабе (Etienne Cabet) — французский писатель, глава коммунистической школы (1788–1856).

В другой статье «Русские немцы и немецкие русские» он говорит, что «идея права у нас вовсе не существует или очень смутно; она смешивается с признанием силы или совершившегося факта. Закон не имеет для нас другого смысла, кроме запрета, сделанного властью имущим; мы не его уважаем, а квартального боимся...». Это другая постановка вопроса, и этим, с точки зрения Герцена, Россия радикально отличается от Англии, где на протяжении столетий экономическое развитие шло рука об руку с тем, что Герцен называет нравственным развитием. И Герцен утверждает, что англичан отличает «великое, — в сердцах Герцен даже добавляет, — тупое уважение, которое население имеет к своей законности»³⁸.

В статье с характерным названием «Порядок торжествует» Герцен впервые вводит термин, который мне кажется очень удачным: «самозаконность». В Англии существует самозаконность. Экономисты, исследуя теорию контрактов, утверждают, что при хорошем, оптимальном порядке хорошо, когда есть третья сторона — арбитр, — осуществляющая информирование условий, наблюдение за соблюдением контрактов. Но самые лучшие контракты, говорит теория контрактов, это так называемые самоисполняющиеся контракты, где с самого начала каждая сторона понимает, что нарушение контракта обойдется дороже, — выгоднее ему следовать. С этой точки зрения самозаконность, по Герцену, характеризует действительно правовое государство, правовое общество, которое на самом деле нечасто встречается в сегодняшнем мире.

Мне кажется, что положение Герцена особенно трагично, потому что он не очень верит в абстрактные утопические категории. Он видит перед собой людей, и эти люди могут принимать разные облики в разных обществах. Я напомним из «Былого и дум» характеристику пермского губернатора Тюфяева (выдвиженец Аракчеева). Герцен говорит, что «Тюфяев — нормальный восточный сатрап, разве что только слишком деятельный, во все вмешивающийся». «Но, — пишет Герцен далее, — если бы Тюфяев жил во Франции в 1793 году, он вполне мог бы быть свирепым комис-

---

³⁸ Полная цитата: «На первый взгляд совершенно ясно, что уважение к закону и его формам ограничило бы произвол, остановило бы всеобщий грабеж, утерло бы много слез и тысячи вздохнули бы свободнее... но представьте себе *то великое и то тупое* уважение, которое англичане имеют к своей законности, обращенное на наш свод. Представьте, что чиновники не берут больше взяток и исполняют буквально законы, представьте, что народ *верит*, что это *в самом деле* законы, — из России надо было бы бежать без оглядки».

саром Конвента, например, каким-нибудь Каррье³⁹). Герцена не устраивает в равной степени и бюрократическая монархия, управляемая сатрапами, и террористический режим французской революции, воплощаемый фанатиками типа Каррье. Поэтому на самом деле это ситуация глубокой трагедии, глубокого духовного кризиса человека, который хотел бы преобразований.

В одной из своих статей начала 1860-х годов «Журналисты и террористы» Герцен пишет, что молодая Россия упрекает его в том, что он утратил революционный задор, что не верит в переворот. Другая часть политических сил, которую Герцен иронически называет «пожилая Россия», упрекает его совершенно в противоположном — в том, что он на самом деле смутьян, что замышляет новые перевороты, и обвиняет его, как пишет Герцен, «в поджигательстве». Поскольку дело было в 1862 году, после крестьянской реформы, боюсь, что обе стороны были по-своему правы. В этом проявляется очень трудное положение человека, который хотел бы преобразований, но видит тщетность многих преобразований, осуществляющихся на его глазах. При этом, — Анатолий Григорьевич Вишневский уже говорил, я подхвачу, — на вопрос «Кто виноват?» отвечать ему чрезвычайно трудно.

Он рвался за границу. Напомню, что в «Письме к Ш. Рибероллю...»⁴⁰ он говорит, что «ехать за границу — мечта каждого порядочного человека в России». Но попав за границу, он видит перед собой достаточно грустную картину. Напомню, как в «Былом и думах» он описывает ситуацию в Италии: «Я не виню большинство, которое плохо подготовлено, устало, трусливо, я не виню даже правительство, да и как же винить правительство за ограниченность, за неумение, за недостаток порыва, за недостаток такта». Здесь Герцену даже трудно сделать то, что, казалось, легко было бы на его месте: назвать врага, обрисовать образ врага. Это размышления глубокого интеллектуала.

В завершение — несколько штрихов по поводу литературного вклада Герцена. Я тоже не литературовед, и в этом смысле мои замечания дилетантские. Когда читаешь, как Герцен внимательно вглядывается в свои детские воспоминания, ...вот ему должен сделать подарок камердинер Кало — это всегда было сюрпризом, и Герцен вспоминает, как маленький Саша сверлил стенку на лестнице, чтобы подсмотреть, что это бу-

³⁹ Каррье Жан-Батист (1756–1794), депутат Конвента, якобинец.

⁴⁰ «Письмо к Ш. Рибероллю, издателю журнала “L’Homme”» (1854).

дет; как он мучился, как он пишет, «в ожидании торжественного дня», как краснел от любопытства. Это всматривание в свое прошлое, на мой взгляд, предвещает замечательную прозу Пруста. Я, разумеется, никоим образом не стал бы устанавливать прямое родство между ними, и уже по первым нескольким предложениям легко можно отличить воспоминания Герцена от воспоминаний Пруста. Тем не менее такое пристальное всматривание в свои детские чувства и воспроизводимый при этом поток сознания характерны для современной литературы, несмотря на то, что написано было в то время, когда господствовала классическая литература.

Другой момент. Герцен — абсолютный предшественник Салтыкова-Щедрина. В ряде случаев это бьет в глаза. Например, вы читаете статью, которая озаглавлена первой фразой текста: «Сечь или не сечь мужика?». Статья начинается так: «Сечь или не сечь мужика? That is the question». И дальше: « — Разумеется, сечь, и очень больно», после чего идет подробное обоснование, почему. Практически это уже Салтыков-Щедрин!

Напомню суждения Герцена о «правительствующих русских немцах». Он писал, что «из всех правительствующих немцев.. русские немцы самые худшие». И далее о царе: «Один из самых замечательных русских немцев, желавших обрусеть, был Николай. Чего только он не делал, чтобы сделаться русским, — и финнов крестил, и униатов сек, и церкви велел строить опять в виде судка, и русское судопроизводство вводил там, где никто не понимал по-русски, и все иностранное гнал, и паспортов не давал за границу, — а русским все не сделался...»⁴¹.

Наконец, последний пример в этой области. В статье «Июля первого, 1858» Герцен с абсолютной серьезностью уверяет, что пора закрыть Третье отделение в России — «уничтожится, наконец, этот вертеп шпионов, а главное, пишущие уже вполне готовы к тому, чтобы доносить на себя самих».

С. П. Капица

Спасибо, Револьд Михайлович, Вашим выступлением следовало бы завершить наше обсуждение.

Я хотел бы отметить некий парадокс, скрытый в названии пьесы «К другим берегам». «Другие берега», на мой взгляд, это такой фонетический образ горизонта, удаляющегося по мере приближения. Мне ка-

---

⁴¹ «Русские немцы и немецкие русские».

жется, образ горизонта содержательнее образа «другого берега» и отражает эволюцию. На другом берегу все хорошо, поэтому нет движения — в этом смысл данного понятия. Образ другого берега очень популярен в литературе. В. Набоков писал о другом берегу. На самом деле линия горизонта содержательнее.

Револьд Михайлович сказал о самозаконности. В Англии есть такое понятие «common law» — это неформализованный закон, общее понимание того, как надо себя вести. Он лежит в основе английского правосознания.

Р.М.Энтов

Совершенно верно. «Самозаконность» — это русская калька английского слова self-enforcement.

С. П. Капица

Self-enforcement или common law.

Р.М.Энтов

Конечно.

С. П. Капица

Общее право, которое лежит в основе правового сознания. Но нам оно не знакомо.

А теперь я попрошу сказать свое слово Алексея Владимировича Бородин, художественного руководителя РАМТ.

А. В. Бородин

Я с очень большим интересом слушаю все, о чем здесь говорят. Это очень интересно. Сергей Петрович, Вы задали вопрос, был ли Герцен эмигрантом? На меня произвело невероятное впечатление, когда моя сестра (Н. В. Николаева, продюсер проекта РАМТ «Берег утопии». — *Ред.*) привезла мне из Ниццы фотографию могилы Александра Ивановича Герцена. Я подумал, что вот он лежит там... Почему-то на меня его могила в Ницце произвела большое впечатление.

Герцен, насколько я понимаю, уезжал во Францию не для того, чтобы жить там как эмигрант. Вовсе не для этого. Вот почему, мне кажется, наш спектакль для нас важен прежде всего с точки зрения происходящего в зрительном зале. Понимаете, сейчас вопрос «что делать?» перед

людьми, зрителями, молодыми зрителями уже не стоит, их ориентируют со всех сторон. А здесь вдруг появляется человек, в данном случае Герцен, и его окружение, — люди, которые не знают, что делать, и мчатся туда, во Францию, где, кажется, будут какие-то ответы, и не получают эти ответы. Потом мечутся по всей Европе в поисках того, что же делать? — не для самого себя, для всех. Герцен имеет в виду в данном случае свою Россию, о которой, несмотря на свое полунемецкое происхождение, думает, конечно, все время.

Его трагическая книга «Былое и думы» написана в основном в Англии — последнем его прибежище, когда стало ясно, что никогда он уже вернуться не сможет. Его призвали вернуться в Россию, но при Николае он вынужден был отказаться. И вся его личная жизнь..., и т.д. — понимаете, это взгляд с *другого берега*, в данном случае Герцен нам как бы оттуда что-то посылает.

Скажу несколько слов о Стоппарде. Его знакомство с Герценом началось с Исая Берлина⁴². Он прочел его замечательную книгу «Русские мыслители», которую приобрел в России. Книга совершенно сразила Стоппарда. Он пять лет изучал и работал с документами, и написал три пьесы. Три пьесы! Стоппард писал для Национального Лондонского театра, где ждали от него одну пьесу, а он сказал, что у него получается три, меньше — никак. В 2002 году в Лондоне пьеса была поставлена, где вызвала колоссальный интерес. Параллельно с нашим театром, буквально в одно и то же время ее поставили в Нью-Йорке. Стоппард ездил на репетиции к нам, в Нью-Йорк и обратно к нам, потому что ему это было очень интересно.

В Нью-Йорке постановка этой пьесы тоже вызвала интерес. Но, конечно, Стоппард был совершенно поражен тем, как это воспринимается у нас. На премьере спектакля его очень удивило, что то, что он как художник, настоящий художник, закладывал в свою пьесу, каким-то образом здесь наконец-то высекает искру. Мне кажется, театр и должен высекать из публики искру, когда это не некое наблюдение за происходящим, не только зрелище, развлечение и т.п., но еще что-то, что попадает внутрь человека и взрывает в нем это успокоенное, все более и более равнодушное ко всему происходящему чувство. Взрывают вдруг эти ненор-

---

⁴² Исая Берлин (Isaiah Berlin, (1909, Рига — 1997, Оксфорд), английский философ, историк, писатель, переводчик русской литературы и философской мысли.

А. В. Бородин

мальные, беспокойные люди, которые меньше всего, в итоге получается, думают о себе. Они смешные, — может быть, это не совсем так с исторической точки зрения, но Стоппард пишет о каких-то мечтателях, фантазерах, каких-то утопистах.

В данном случае при всем колоссальном уме Герцена, сарказме, остроте мысли и остроте чувств все его надежды, все утопии разбиваются, по существу, о реальность, — об этом пьеса Стоппарда. Личная жизнь Герцена разбивается только из-за того, что у него есть личные представления о свободе личности в отношениях с женщиной, в семье и т.д. Но когда это осуществляется в жизни... «Былое и думы» — это ведь исповедь, настоящая исповедь. Герцен пишет совершенно откровенно и о своей собственной жизни, и о том, как развивается его представление о реальной

действительности, касающейся непосредственно человека. Поэтому драматизм, к которому в итоге он приходит, но несмотря ни на что ничего в нем не меняет, есть важный пример для нас какого-то упорства и упрямства в непрекращающемся стремлении к тому, к чему он стремился.

С. П. Капица

По существу, в этом его трагедия.

А. В. Бородин

Да, трагедия! И этот свободный человек в обществе, его утопическая идея, тем не менее, мне кажется, сегодня для нас, в частности, для нашего театра, нашего зрительного зала и для молодого зрительного зала очень важна. При постановке спектакля мы многое прочли, и я очень благодарен Стоппарду, что нас, меня в частности, он заставил пройти через все это. Слова Герцена «кто сумел пережить, тот должен иметь силы помнить», на мой взгляд, очень верные, правильные слова. Важно также и то, что Стоппард заставил прочесть книгу, которую «мы все читали». Кого не спросишь, читал ли он «Былое и думы», все уверенно отвечают: «Да, читал». Выясняется, конечно, что никто ничего не читал или читал какие-то куски из разных глав и частей.

Мне кажется, интересно, что молодые люди, заполняющие наш зрительный зал, начинают наконец понимать, что они соотечественники, например, Герцена. Зритель начинает идти на спектакль, на встречу с героями этого спектакля как с соотечественниками.

С. П. Капица

Спасибо, Алексей Владимирович. Вы напомнили мне об Исаее Берлине. Я встречался с ним несколько раз в Англии. По-моему, критерий великой книги состоит в том, что человек, читая ее много раз в разном возрасте, каждый раз — по-разному.

Следующий выступающий — Лев Александрович Аннинский, писатель, публицист. Прошу Вас.

Л. А. Аннинский

Вернемся от Тома Стоппарда к Александру Герцену. Сергей Сергеевич [Секиринский] выдвинул ключевое понятие, помогающее нам осознать, о ком мы говорим. Это был свободный человек, сполна расплатившийся за свою свободу, — по всем линиям, по всем кодексам. Комментируя

Ж клуб

Никитский

Фото В. Федорова

Л. А. Аннинский

это, я должен сослаться на философов, на которых уже ссылался Сергей Сергеевич.

Поколение Г.П. Федотова: в России никакой свободы изначально знать не могли, а знали волю как безудержное гуляние без границ. И этим же словом «воля» обозначалось то, что должно это гуляние пресечь и ввести в какие-то границы. Это у нас в характере, это у нас в истории, это у нас неизменно — на то мы и Евразия. Когда к нам из Европы пришло понятие свободы, мы его осмыслили в подобном духе. Свободным себя человек чувствует и называет тогда, когда, извините, ему «век свободы не видать». Когда человек просто внутренне живет по закону, им самим над собой признанным, ему не нужно понятие «свобода», предполагающее какое-то ограничение.

Таким образом, когда Герцен бил в свой «Колокол» в Лондоне и чувствовал, что у него завязан рот, что у него кляп во рту, это давало ему такие силы преодолевать это сопротивление, которые мало кто мог оценить. Между тем Александр II, главный противник Герцена, своим придворным иногда говорил: «Господа, нет ли у кого последнего номера "Колокола"? Я давно не читал». Точно, как в эпоху нашего диссидентства: появляется журнал Синявского, вроде бы он запрещен, а все его читают, в том числе и те, против кого он направлен. То же самое было и там, поэтому не нужно теперь так уж наивно все это переживать. Конечно, они страдали, страдал Герцен, оттого что ему не давали говорить, что ему невозможно было вернуться в Россию, — понятно, что это была его боль, это была его беда. Тем не менее это была роковая драма, без которой не было бы великой культуры, не было бы великих людей. Так что к вопросу о том, кто виноват, можно будет Герцена приплетать бесконечно. Этот вопрос он поставил в одном из своих ранних, не очень хорошо написанных произведений, тем не менее, мы сейчас только и делаем, что его повторяем. Точно так же, как Чернышевский в своем не очень хорошо написанном произведении спросил: «Что делать?», и с тех пор от Ленина до Гайдара все без конца этот вопрос повторяют.

Да, все будет то же самое. Мы с помощью Герцена будем решать свои насущные проблемы. Великий писатель и великая душа тут ни при чем — при чем, конечно, но он не этим интересен. Я помню свои студенческие годы в Университете в позднее сталинское время. Герцен был, безусловно, моим любимым писателем. Он был мне дороже Достоевского, он был вровень с Толстым. При этом я отлично знал, что его «разбудили», что он развернул агитацию, что эту агитацию подхватил, не знаю, Плеханов, марксисты, соцреалисты, — все это я знал. Ну и ладно, под этим было еще что-то несоизмеримо величайшее по сравнению с тем, как употребляли Герцена в ту пору. И был роман — главный роман его жизни. Это была и остается гениальной школой рефлексии. Точно так, как мы, пропустив Толстого через «зеркало русской революции», вернулись все-таки к тому, чем Толстой вечен. И Салтыкова-Щедрина вполне использовали и еще будут использовать, хотя сейчас немного умереннее. Тем не менее есть «Пошехонская старина», прочитав которую, понимаешь, что такое уровень духовного поиска и что такое ругающийся губернатор, который решает практические вопросы «против начальства». А вообще «против начальства» — это старая русская игра, без которой обойтись мы никогда не могли и не сможем.

Но вопрос в другом: что читать и как перечитывать? И когда мы сейчас сетуем, что Герцена подзабыли, — какого подзабыли? Того, который учил нас революционности? Когда нам нужно будет учиться еще одной революционности, вспомним такого Герцена. Главное, чтобы не забывали великого писателя, которого надо перечитывать, потому что он формирует человека, способного сообразить, где какая воля, и будет понимать, что такое свобода; когда нет места понятию «свобода», а есть понятие «любовь».

При чем здесь любовь, когда Герцен был вовсе не религиозно ориентирован, как было сказано? Его право было относиться к религии и к церкви так, как он считал нужным и возможным в ту пору. Тем не менее, когда любишь, не замечаешь ничего другого. Уверяю вас, если мы сейчас все перекрестимся, вспомним Христа и скажем, что любовь все решает, — ничего подобного, и это будет залито лампадным маслом. И в любой конкретной истории все будет так или иначе опошлено. И всегда внутри духовного состояния общества будут противовесы и противоядия — это опошляющие прагматики. Так что я думаю, что Герцен никуда не делся, и все будут все время повторять: «Кто виноват?».

И последнее. Я растроган явлением Тома Стоппарда. Я слышал его выступление, я представляю себе, как он создал свою пьесу. Нам не впервой получать великих русских мыслителей и писателей из рук заинтересованного Запада, не надо этим смущаться. Это было и раньше, это будет и потом. Ну и хорошо, получили свое — еще раз перечитаем. Спасибо ему. То, что Стоппард сделал для нас, можно, конечно, уложить в такой рисунок: мы слепые, потому что мы не знаем, что такое коммунизм, эту утопию мы взяли на Западе, а Запад — из раннего христианства. Мы взяли и вслепую пошли. И вот идем и уткнемся сейчас в этот берег утопии — все правильно. Почему мы верили в эту утопию — другой разговор, и это тоже можно все понять.

Надо понять, что такое мировая война и почему между двумя мировыми войнами нужна утопия? Чтобы миролюбивые люди стали армией — иначе не бывает с утопией. При Петре была одна утопия, при Ленине — другая. Для Тома Стоппарда важен этот сюжет. Я, когда его слушал, почувствовал, что ему тоже как-то помогли врачевать какие-то его проблемы. Он в нашей беде увидел отражение каких-то своих, может быть, утопий, а может быть, каких-то еще безбрежных идей. И я был растроган до глубины души.

С. П. Капица

Наверное, это и есть идеал культуры, о котором сегодня следует напоминать.

Аполлон Борисович Давидсон, профессор ИСАА — прошу, Вам слово.

А. Б. Давидсон

Обсуждение было очень интересным, прозвучали очень интересные мысли.

Хочу напомнить один факт, вероятно общеизвестный, но, тем не менее, я бы хотел привлечь к нему внимание. Записки Екатерины II, как известно, пролежали сто лет, прежде чем были опубликованы. И ее сын Александр I, и внук Николай I не хотели их издавать. Издал их Герцен, за границей.

В воспоминаниях того времени я читал, что Николай I спрашивал у своих придворных (он уже тогда подозревал о существовании самиздата), нет ли у кого чего-нибудь «переписанного», чтобы почитать? Я говорил, ничего плохого вам не сделаю. Кто-то принес ему подпольное издание, которое он прочел, а потом, погрозив пальцем, сказал, Бог с вами, но вообще-то не надо. Я хотел напомнить, что это было за сто лет до Пастернака, которого тоже в силу похожих обстоятельств опубликовали за границей.

Когда я учился в Ленинградском университете, на нашем курсе преподавал Евгений Викторович Тарле. Он читал нам лекции о международных отношениях, в которых всегда делал вкрапления из Герцена. Тогда у нас говорили, что перед тем как написать новую работу, Евгений Викторович перечитывает «Былое и думы», чтобы настроиться, — это к слову о языке Герцена. На первом-втором курсе мне посчастливилось бывать у Евгения Викторовича дома. Тогда вышла книга, ставшая популярной, о взаимоотношениях Герцена и Огарева как примере дружбы. В разговоре с Евгением Викторовичем я затронул эту тему, и он дал мне почитать свой экземпляр этой книги, на заднем форзаце которой он по обыкновению оставил свои заметки. В книге были написаны его поразительно восхищенные слова о Герцене, а что он написал об Огареве, мне неловко произнести. Это в качестве небольшого комментария.

С. П. Капица

Есть еще один урок, связанный с именем Герцена, не знаю, насколько достоверна история этого урока. Герцен хранил свои деньги у Ротшильда, которые царь просил арестовать. Когда же русское правительство по-

А. Б. Давидсон

просило у Ротшильда заем на крупную сумму, тот сказал, что интересы его клиента для него дороже всего, и отказался дать заем царю, если он не отменит эмбарго на деньги Герцена. Не знаю, насколько эта история соответствует истине.

Сейчас слово Александру Владимировичу Голубеву, руководитель Центра по изучению отечественной культуры Института русской истории.

А. В. Голубев

Моя реплика будет крайне короткой. Иосиф Евгеньевич [Дискин] говорил об антизападничестве, льющемся сейчас со всех сторон. Этому много причин — остановлюсь на одной из них, на мой взгляд, достаточно важной.

А. В. Голубев

Российское постсоветское общество оказалось в роли этакого массового Герцена, в представлении которого существовал идеальный Запад, но столкнувшись с Западом реальным и будучи в массе своей отнюдь не герценами, оно породило этот антизападнический поток.

С. П. Капица

Это интересное и поучительное замечание. Есть ли еще желающие выступить? Игорь Григорьевич Яковенко, главный научный сотрудник Института социологии РАН, пожалуйста.

И. Г. Яковенко

Мой коллега Голубев затронул важную тему. Дело-то не в Герцене, а в русской культуре. Мы с вами говорим про общество, которое воспринимает идеи, — в том числе либерализм, либеральную антропологию, идеи свободы, — абсолютно религиозно. Западный обыватель был

И. Г. Яковенко

не плохой и не хороший, он был нормальным человеком. Такое божье творенье. А герцены и все остальные русские взыскуют идеальной свободы, идеального общества, что есть химера. И в этом главная проблема: мы рассматриваем не природу вещей, а предпосылаем ценности природе вещей, и отсюда диктуем.

С. П. Капица

И заключительное слово Алексею Владимировичу Бородину.

А. В. Бородин

Сейчас артисты нашего театра Илья Исаев и Степан Морозов, которые играют в спектакле «Берег утопии» Герцена и Бакунина, попробуют

Н. В. Николаева, продюсер проекта «Берег утопии»,
В. В. Любий, директор РАМТ

воспроизвести небольшой диалог из этого спектакля. Действие происходит во второй пьесе сразу после гибели Коли, младшего сына Герцена, который попал вместе с матерью Александра Ивановича и своей учительницей в катастрофу. Они плыли домой и погибли во время кораблекрушения. Эта сцена отличается тем, что Бакунин, который в это время находится очень далеко, является Герцену как бы в его видении, в его представлении.

Сцена из спектакля

АВГУСТ 1852

Ночь. Герцен стоит у поручней на палубе пересекающего Ла-Манш парохода. Через некоторое время он осознает, что рядом стоит Бакунин.

БАКУНИН: Куда мы плывем? У кого есть карта?

ГЕРЦЕН: Бакунин? Ты здесь? Ты жив?

БАКУНИН: Да.

ГЕРЦЕН: Это хорошо. Я только что о тебе думал и вдруг ты... и выглядишь так же, как в тот дождливый вечер, когда я провожал тебя в Кронштадт. Там тебя ждал пароход. Помнишь?

БАКУНИН: Ты был единственным, кто пришел проститься.

ГЕРЦЕН: А теперь ты единственный, кто пришел проводить меня!

БАКУНИН: Куда теперь?

ГЕРЦЕН: В Англию.

БАКУНИН: Один?

ГЕРЦЕН Натали умерла, три месяца назад... Мы потеряли Колю. Он погиб в море, вместе с ним моя мать и молодой человек, который учил Колю говорить. Никого из них не нашли. Натали этого не вынесла. Она ждала еще одного ребенка, и после родов у нее уже не было сил жить. Младенец тоже умер.

БАКУНИН: Мой бедный друг.

ГЕРЦЕН: Ах, Михаил, если бы ты слышал, как Коля говорил! Это было так забавно и трогательно... Он понимал все, что ему говорили, и, готов поклясться, он тебя слушал! Хуже всего то... *(он почти срывается)*. Если бы только это случилось не ночью... Он не слышал в темноте — не видел губ.

БАКУНИН: Маленький Коля — его жизнь оборвалась так рано! Кто этот Молох?

ГЕРЦЕН: Нет, не то, совсем не то. Его жизнь была такой, какой была. Оттого что дети взрослеют, мы думаем, что их предназначение — взрослеть. Но предназначение ребенка в том, чтобы быть ребенком. Природа не пренебрегает тем, что живет всего лишь день. Жизнь вливает себя целиком в каждое мгновение. Разве мы меньше ценим лилию оттого, что она сделана не из кварца и не на века. Где песня, когда ее спели, или танец, когда его станцевали? Только люди хотят быть хозяевами своего будущего. Мы твердим себе, что у мироздания нет других забот, кроме наших судеб. Каждый день, каждый час, каждую минуту мы видим непредсказуемый хаос истории, но думаем, что художник что-то перепутал.

Фото В. Федорова

Артисты Илья Исаев и Степан Морозов

Где единство, где смысл величайшего творения природы? Ведь должна же непредсказуемость течения миллионов ручейков случайности и своеволия быть уравновешена прямым, как стрела, подземным потоком, который всех нас несет туда, где нам назначено быть. Но такого места на Земле нет, потому оно и зовется Утопией. В гибели ребенка не больше смысла, чем в гибели армий или наций. Был ли ребенок счастлив, пока он жил? Вот должный вопрос, единственный вопрос. Если мы не можем устроить даже собственного счастья, то каким же надо обладать запредельным самомнением, чтобы думать, что мы можем устроить счастье тех, кто идет за нами. *(Пауза)* Что с тобой случилось, Бакунин? Тебя предали?

БАКУНИН: Нет, просто революции кончились. Когда солдаты схватили меня, мне было уже все равно. Я просто хотел спать. Спасибо за деньги! Мне разрешали покупать сигары и книги. Я выучил английский! *(С акцентом)* "Mary and George go to the seaside." Как поживает Георг? Поблагодари его от меня. И Эмма прислала мне 100 франков.

ГЕРЦЕН: Я слышал, светские дамы собрали деньги, чтобы устроить твой побег, когда тебя переправляли в Россию.

БАКУНИН: Вероятно, граф Орлов тоже об этом слышал — кто-то до-нёс. Двадцать казаков ждали меня на границе, чтобы препроводить в Петропавловскую крепость. Теперь дело за русской революцией. Немцы и французы завалили всё дело — от привилегий аристократии они сумели отказаться, но от частной собственности — ни за что.

ГЕРЦЕН: А чего ты ждал?

БАКУНИН: У бедных было больше голосов, чем у богатых. Кто бы мог подумать, что все так выйдет.

ГЕРЦЕН: Эх, Бакунин.

БАКУНИН: И все-таки это было самое счастливое время моей жизни.

ГЕРЦЕН: С русским западничеством покончено. Теперь мы можем, не отвлекаясь, заняться делом.

БАКУНИН: Крестьянская революция, Герцен! Маркс надул нас. Он просто городской сноб — для него крестьяне это не люди. Это сельское хозяйство. Но он не знает русских крестьян! За ними история бунтов, и мы забыли об этом.

ГЕРЦЕН: Остановись-остановись.

БАКУНИН: Я имею в виду мужчин и женщин, готовых спалить все вокруг, вздернуть на суку помещика и насадить на вилы головы жандармов!

ГЕРЦЕН: Остановись! «Разрушение — это творческая сила!» Мы не должны разрушать. У России есть шанс. Мы должны опереться на то, что уже существует. Деревенская община может стать основой настоящего народничества, самоуправления низов. После французского фарса я был в отчаянии. Россия спасла меня... Ты со мной Михаил?!

БАКУНИН: Если дело пойдёт твоим путём, я застряну здесь надолго.

(Бакунин уходит)

ГЕРЦЕН: Ни у кого нет карты. На западе в следующий раз может победить социализм, и он тоже дойдет до крайностей, до нелепостей, и Европа снова затрещит по швам. Границы изменятся, нации расколются, города запыхают... рухнет закон, образование, промышленность, сгниют поля, к власти придут военные, а капиталы вывезут в Англию и Америку... Снова начнется война между босяками и обутыми. Она будет кровавой, скорой и несправедливой, и Европа после нее станет похожа на Чехию после гуситских войн. Тебе жаль цивилизации? Мне тоже жаль.

А. В. Бородин

Илья Исаев прочтет еще маленькие кусочки из «Былого и дум».

Илья Исаев

Да, чтобы разбавить наш прекрасный вечер таким, скажем, не политизированным шикарным юмором Александра Ивановича.

«Струве был большой чудак, ел одно постное с прибавкой молока, не пил вина и на такой же диете держал свою Амалию. Ему казалось и этого мало, и он всякий день ходил купаться с нею в Арву, где вода — середь лета едва достигает восьми градусов, не успевая нагреться, — так быстро стекает она с гор. Впоследствии мне случалось говорить с ним о растительной пище. Я возражал ему, как обыкновенно возражают: устройством зубов, большей потерей сил на претворение растительного фибрина указывал на меньшее развитие мозга у травоядных животных. Он слушал кротко, не сердился, но стоял на своем. В заключение он, видимо желая меня поразить, сказал мне: — Знаете ли вы, что человек, всегда питающийся растительной пищей, до того очищает свое тело, что оно совсем не пахнет после смерти? — Это очень приятно, — возразил я ему, — но мне-то от этого какая же польза? Я не буду нюхать сам себя после смерти. Струве даже не улыбнулся, но сказал мне с спокойным убеждением: — Вы еще будете иначе говорить!»

«Раз в субботу, накануне Нового года, хозяин вздумал варить жженку en petit comite, когда главные гости разъехались. Белинский непременно бы ушел, но баррикада мебели мешала ему, он как-то забился в угол, и перед ним поставили небольшой столик с вином и стаканами. Жуковский, в белых форменных штанах с золотым «позументом», сел наискось против него. Долго терпел Белинский, но, не видя улучшения своей судьбы, он стал несколько подвигать стол; стол сначала уступал, потом покачнулся и грохнул наземь, бутылка бордо пресерьезно начала поливать Жуковского. Он вскочил, красное вино струилось по его панталонам; сделался гвалт, слуга бросился с салфеткой домарать вином остальные части панталон, другой подбирал разбитые рюмки... во время этой суматохи Белинский исчез и, близкий к кончине, пешком прибежал домой.»

«... в почтовом доме отворилось с треском окно, и седая голова с усами грубо спросила, о чем спор. Кондуктор сказал, что я требую семь мест, а у него их только пять; я прибавил, что у меня билет и расписка в получении денег за семь мест. Голова, не обращая ко мне, дерзким раздав-

ленным русско-немецко-военным голосом сказала кондуктору: «Ну не хочет господин пяти мест, так бросай пожитки долой, пусть ждет, когда будут семь пустых мест». После этого почтенный почтмейстер, которого кондуктор называл «Herr Major» и которого фамилия была Шверин, захлопнул окно. Обсудив дело, мы, как русские, решились ехать. Бенвенуто Челлини, как итальянец, в подобном случае выстрелил бы из пистолета и убил почтмейстера».

Илья Исаев

И напоследок не такое юмористическое...

«Но что же доказывает все это? — Многое, но на первый случай то, что немецкой работы китайские башмаки, в которых Россию водят полтора-два года, натерли много мозолей, но, видно, костей не повредили, если всякий раз, когда удастся расправить члены, являются такие свежие и молодые силы. Это нисколько не обеспечивает будущего, но делает его крайне возможным».

С. П. Капица

Еще раз всем большое спасибо!

Приложение

Статьи победителей третьего конкурса эссе
«Человек на все времена» образовательной программы РАМТ,
посвященного 195-летию со дня рождения Александра Герцена

Михаил Бланк,
Российский государственный гуманитарный университет,
факультет истории, политологии и права
(II место; I место не присуждено)

Человек на все времена. Есть ли он? И где его искать? На берегах утопии или в микроистории Карло Гиндзбурга? А может, он, как идеальный газ, существует только в умах ученых мужей? Он всегда будет или его никогда не было? В сочинениях на такую тему всегда хочется обойтись общими местами: мол, сильный, добрый и волевой, — но разве бывают такие люди? Общие места — это прикрытия для праздного ума. Общие места создают «общих» людей, которым не под силу тягаться с человеком на все времена. Но кто он, этот человек?

Возможно, Александр Герцен? Написав произведение «Кто виноват?», он стал буквально частью русского фольклора. А значит, победил время, частное сделал общим. Потомки же увековечили его в поэзии: *Любовь к добру разбередила сердце им, А Герцен спал, не ведая про зло... Но декабристы разбудили Герцена. Он недоспал. Отсюда все пошло.*

Однако насколько же ужасны парадоксы истории, что человек, всю жизнь воспевавший свободу, стал архистратигом в идеологическом пантеоне самой несвободной страны! Герцен был скорее сыном века («Век

девятнадцатый, железный»), поэтому не он для меня герой на все времена, а его друг — П.Я. Чаадаев. Вы удивитесь: «Как может язвительный, нелюдимый Чаадаев, проводивший жизнь за книгами, а не на полях сражений, быть человеком на все времена?» Может, ибо борьба духа подчас кровавей и страшнее борьбы земной. Это сегодня поэты пишут, что «времена не выбирают». Герцен пытался изменить свое время. А Чаадаев просто жил в другой системе координат: его современниками были Тацит и Тит Ливий, Спиноза и Кант, Декарт и Паскаль, Марк Аврелий и Иоанн Златоуст. Он участвовал в Крестовых походах и открытии Америки. Это он был тем, кто «своею кровью склеит двух столетий позвонки». И век его, действительно, был зверь. И против этого зверя был направлен знаменитый «выстрел» Чаадаева (так Герцен назвал выход его «Философических писем»). Слишком дорого обошелся ему этот «выстрел»: до конца жизни, думаю, он не смог «забыть отчества у тирана», сделавшего его изгоем. Но «насколько власть безумного “ротмистра” Чаадаева была признана, настолько “безумная” власть Николая Павловича была уменьшена». Чаадаев

смертельно ранил противника, за что был немедленно объявлен сумасшедшим. Человек на все времена иначе и не может восприниматься своим веком, как сумасшедший. Ведь человек на все времена — носитель вечного, а окружающие его люди — преходящего. Так, Бродский замечательно описывает в своей нобелевской лекции конфликт поэта и государства как конфликт вечного и минутного: «Политическая система, форма общественного устройства, как всякая система вообще, есть, по определению, форма прошедшего времени, пытающаяся навязать себя настоящему (а зачастую и будущему), и человек, чья профессия язык, — последний, кто может позволить себе позабыть об этом». И Чаадаев не забыл, не забывал об этом ни на минуту своей жизни.

Кажется очевидным, что человек на все времена должен быть свободен. Но какой свободой он должен обладать? Герцену нужна была свобода здесь и сейчас, свобода, скорее, «от», чем свобода «для». Чаадаеву для свободы хватало пера и листка бумаги: «Холод, замораживающий ртуть, не замораживает глубокой идеи». Разве это высказывание не принадлежит человеку на все времена? Величие Чаадаева видится мне еще в его способности не преувеличивать значение свободы, в его понимании огромной ответственности, которую она накладывает на человека: «Странное заблуждение считать безграничную свободу необходимым условием для развития умов». И пример XX века показал нам справедливость этих слов. А ведь Герцен для свободы не хотел падать никого! Герцен с удовольст-

вием готов был пожертвовать сотнями и тысячами столь ненавистных ему французских мещан ради светлого будущего социалистической революции, во имя будущего, возведенного на крови ни в чем не повинных людей. Нет, не такого будущего хотел Чаадаев. Чаадаеву для свободы нужна была не крестьянская революция, а революция духа, революция в умах. И он ее произвел.

Чаадаев начал самую болезненную дискуссию для российской интеллигенции — дискуссию между западниками и славянофилами. Для католика Чаадаева эта Россия, ушибленная пространством, была чем-то вроде двуглавого орла — странного парадокса природы. Все смешалось в России, но не обрело явных черт ни Запада, ни Востока. Пушкин писал Чаадаеву, что у России есть своя миссия: быть барьером между Западом и Востоком. Может быть, и так. Однако начало XX века показало, что у России оказалась совсем другая «миссия» — родить антихриста. Словом, полемика, начатая Чаадаевым, сохраняет свою актуальность до сих пор.

Да, Чаадаев всегда был в конфликте, в конфликте с современниками и с веком, но он всецело посвятил «души прекрасные порывы» отечеству. Вот только авторитарной России его мысли не были нужны. «Не к масти козырь» был Чаадаев в своем веке. Так, он пишет в письме Тургеневу: «Мне, который любил в своей стране лишь ее будущее, что прикажете мне делать с нею?». Отечество в то время маршировало под дудку Николая I и силилось стать жандармом Европы. А все ограничения литературы (а значит, мысли) прикрывались любовью к оте-

честву. «Прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть ещё нечто более прекрасное — это любовь к истине». И Чаадаев служил ей, а не кнотовскому режиму Николая. «Философические письма» и «Апология» буквально выстраданы Чаадаевым, выцарапаны кровью на холодном граните века. Герцен пишет свои воспоминания для современников (поэтому «Былое и думы»). Для Чаадаева нет и не может быть былого. Поэтому его мысли обращены к будущему потомку (отсюда «Философические письма»).

Наталья Ворожейкина,
Тольяттинский государственный университет,
факультет филологии и журналистики
(II место)

Наследие Герцена для большинства молодых россиян — тайна за семью печатями. Думается, мы никого не удивим этим заявлением. Кто виноват — общее снижение интереса к классической литературе, мода на «не-знание», прочно укоренившееся неприятие всего, что связано с понятием «революция»? Вопрос задан давно, но по-прежнему учителя с учениками «проходят» Герцена, как мимо музейного экспоната. Читают на пыльных табличках: «утопист», «западник», «социалист, чьи буржуазные иллюзии потерпели крах» и т.д. Результат — в сознании большинства личность стирается, остается расплывчатая фигура «биографического автора» и, как тень, ряд его «литературных отличий».

С другой стороны, в подобной «невостребованности» есть свой плюс — ведь Герцен не единственный, кто подвергся литературному

Итак, каждое «время» — это испытание. И Чаадаев его прошел. Он преодолел свой век. Он преодолел себя. Человек на все времена — это человек, который может подняться над своим временем, перерасти его. Человек на все времена — это человек, для которого важнее «быть», а не «иметь»; для которого свобода не бремя, а воздух, без которого невозможно жить. Человек на все времена — это человек, для которого глубина мысли и широта души являются главными координатами пространства.

«обезличиванию». Безусловно, о «первом русском эмигранте» написано много, но все же не настолько, чтобы трактовки полностью избавили читателя от необходимости ознакомиться с оригиналом. Герцена весьма безобидно «проходят», а, например, судьбу и творчество «Нашего Всего» по привычке склеивают из обрывков критических статей — кто знает о Пушкине больше, чем надо для экзамена? Есть, но имя им «гуманитарии». А остальные? Интересно ли современной молодежи (да и «немолодежи») знать больше о Герцене, восхищаться тем, что проза публицистична, а публицистика есть превосходный образец русской словесности? Что он, тонкий психолог истории — нетерпеливый наблюдатель и сердечный участник важнейших исторических событий одновременно? Сколько человеческих судеб, на-

учных теорий, философских размышлений в его произведениях! Увы, если современный студент-филолог (о «нефилологах» пока речь не идет) раскрывает «Былое и думы», он рискует потеряться в тексте, его взгляд потонет в бесконечных ветвях «древа жизни» XIX столетия. И то, чем грезили «лучшие умы» века минувшего, те самые «горизонты прошлых лет», сияющие надеждами, сочащиеся кровью и слезами ушедших поколений, — все потеряется из виду, все покажется заблуждением, отростком, а не корнем, пересохшим ручьем, а не истоком. Почему? Неужели Герцен так сложен для понимания? Нет, просто современные люди привыкли воспринимать поверхностно; это уже не порок, а нечто само собой разумеющееся. Чем «старше» книга, тем «проще», настроеннее к ней относятся. Но разве о каком-то абстрактном прошлом сказано: «Мы живем на рубеже двух миров — оттого особая тягость... Множество людей осталось без прошедших убеждений и без настоящих. Другие механически спутили долю того и другого и погрузились в печальные сумерки».

Рубеж, эпоха перемен — понятия более чем знакомые нам. Второй десяток лет наша страна живет «на рубеже», и все те же «печальные сумерки» в окнах. В сумерках легко заблудиться, потому что это еще не ночь, но время, искажающее очертания предметов. Разве сегодняшней молодежи легче разобраться в политических лозунгах и программах, чем «герценовско-огаревскому» кружку? Вряд ли, отличие одно: тех людей сажали за «неблагонадежные идеи», а современные арестовывают сами

себя, добровольно идут за решетку безверия, духовной нищеты.

От такой тюрьмы, по Герцену, спасает «жизнь деятельная», ежедневно наполненная. В этом, на наш взгляд, первая «составляющая» его необходимости для молодых умов, идеологическая, так сказать. Александр Иванович на собственном примере показал нам воплощенный образ жизни полезной, стремящейся к свободе разумной, одухотворенной, равной для всех. Вершиной его трудов стал журнал «Колокол» — наиболее совершенный для того времени инструмент, с помощью которого в сознание страны влились демократические идеалы. Впрочем, сейчас многие высказывания Герцена кажутся излишне прямолинейными, неисполнимыми — действительно, тем, кто уже прочитал о последствиях этих идей в учебнике, о революции реальной, а не утопической, проще судить с высоты своего века. Мы-то знаем, что русский мужик не такая уж «сознательная нравственная личность», и что европейское «мещанство» — весьма удобный способ существования. Но Александр Иванович особо не надеялся на понимание, он просто жил и так, как считал нужным (и уже в этом ему можно подражать). «Чему-нибудь послужим и мы. Войти в будущее, как элемент, не значит еще, что будущее исполнит наши идеалы». Он стал «элементом», «ключевой личностью в истории революционного движения», если угодно, а мы по-прежнему зависимы от Запада (и духовно, и материально), по-прежнему близоруки в отношении друг к другу и не знаем цены своей свободе.

Все вышесказанное не означает, что необходимо тотчас обратиться

к идеалам Герцена и следовать им, — это сложно. Хотя многие его мысли могут стать основополагающими для «гуманитариев» или просто для тех, кто хочет найти опору на своем нравственном пути. Наглядный пример тому — семья Чуковских, которые буквально «жили по меркам Герцена», сверялись с ним и вдохновлялись его идеями.

Но для такого «вдохновения» нужно вначале достигнуть интеллектуального уровня Чуковских. Если же говорить о более «практичной» ценности Герцена для «нынешнего поколения», то это историческая достоверность его произведений. Голос свидетеля в них настолько объективен, насколько вообще может быть беспристрастен очевидец. Эта достоверность очень ценна, потому что у нас очень популярно неоднозначное трактование истории. Школьники (да и сами учителя) не знают, какому учебнику верить. Герцен неизменно выражал в многолетних трудах самого себя, и через себя, сквозь себя, выразил эпоху. «Через себя» означает «патриотично», а мы же сейчас заинтересованы в воспитании подобных качеств у «подрастающего поколения»! Герцен и здесь нам пример — от его патриотизма не веет чопорной искусственностью, он естественен, поскольку основан на традиции и подлинной любви к русскому народу, несмотря на все «западнические» настроения писателя.

Что же касается определения «человек на все времена», то оно может стать ключом к новому пониманию не только Герцена, но и человече-

ской сущности всех «гениев и безумцев», являвшихся в мир, чтобы изменить его. Человек на все времена — это Аристотель, чья «Поэтика» не легла мертвым грузом на плечи будущих драматургов, а стала краеугольным камнем здания Всемирной Драматургии. Это скромный пустынник Сергей, благословивший на великую битву князя Дмитрия. Это Леонардо, изобретатель танков, парашютов и лютен из лошадиных черепов — одинокий, непонятый при жизни мастер. Это Марина Цветаева, жена белого офицера, огненная душа, абсолютно не приспособленная к быту, устремленная в седьмые небеса...

Но вот парадокс — из-за вездесущих ярлыков большинство великих личностей сейчас лишено человечности. Они безукоризненны, как застывшие глыбы, на которых не может вырасти ничего живого, и потому чужды юношеству. Между тем, ему (нам) сейчас как никогда нужна рука такого «человека». Того, кто сотни раз ошибся, проверяя на своем опыте следствия новейших теорий, предостерег о возможном крахе потомков, чтобы те забыли предостережения. Того, кто, воплощая свои идеи при жизни, продолжает изумлять людские умы и после своей кончины, ибо он далеко опередил свое время. Того, в частности, чье имя было Александр Герцен — невысокого импозантного мужчины в широкополой шляпе, пристально наблюдающего с берегов Туманного Альбиона своих безграничных «дум» за стремительной жизнью, за неровным дыханием России.

Георгий Окрочедлишвили,
Государственный Университет — Высшая школа экономики
(II место)

Перед тем, как написать это эссе, я долго размышлял, стоит ли говорить о том, что я действительно думаю. Для меня Герцен никогда не был фигурой культовой, я всегда равнялся на других людей — отчасти вследствие природного консерватизма, отчасти оттого, что я имел возможность, в отличие от самого Герцена, увидеть то, к чему, в конце концов, привела пропаганда революции Россию. Но, вместе с тем, он принадлежит к числу тех немногих фигур в истории русской мысли, к которым я всегда испытывал искренне сочувствие.

В моем понимании Герцен — фигура трагическая и возвышенная. И при том — совершенно русская, что бы о нем не говорили славянофилы и реакционеры и каким бы ни было его происхождение. Герцен обладал двумя русскими качествами — гордыней и состраданием. Первая толкнула его выступить против царя, поставить себя выше власти. Но представляя себя умнее остальных, он при том заботился о ближних куда больше, чем о самом себе. Герцен пришел в мир со стремлением нести правду и свет людям — не его вина в том, что это желание было несбыточным. И он достаточно выстрадал за свой идеал, натерпелся ссылок, увидел крушение своих надежд на баррикадах, потерял семью. И при всем при этом он не отступил. Так мог поступить только человек, которого в первую очередь заботила не своя слава, не власть над умами, а счастье остальных людей, благо и процветание родного ему

народа, с которым он был разделен в поздние годы своей жизни. Именно поэтому в «Былом и думах» он с такой теплотой отзывался о славянофилах, со взглядами которых на роль и место России в мире и на место интеллигенции в самой России он боролся.

В личности Герцена меня привлекает именно это его человеческое начало, не ходульные идеологические схемы, которые он проповедовал всю свою жизнь, а внутренняя честность, непримиримость в борьбе, стремление к высшей справедливости. Он был борцом — таким же борцом, каким впоследствии стал Чернышевский. У этих двоих было много общего: книги с «говорящими» названиями, борьба с властью, идеализм. И обоих объединяли глубочайшие заблуждения.

Герцен выступал, как ему казалось, с прогрессивных позиций, бичуя пороки отжившего свое полуфеодальное общество и провозглашая наступление новой эпохи. При этом Герцен отвергал капиталистический путь развития и относился к буржуазии еще хуже, чем к дворянству. Свои надежды он возлагал на крестьянскую общину, на те природные основы коллективного общества, которые веками сохранялись в ней. В этом и была его главная ошибка: Герцен не понимал того, что крестьянство, на которое он возлагал столь большие надежды в своем почвенном идеализме, фактически представляло собой такой же реликт уходящей

эпохи, как и дворянская среда. В самом деле, именно эти два слоя вместе с духовенством были фактически уничтожены в итоге Революции семнадцатого года. Священники и дворяне — напрямую, а крестьянство — посредством коллективизации.

Обличая пороки современного общества, Герцен возлагал неоправданные надежды на Европу, видя в ней идеал, к которому необходимо было стремиться отчизне. Тем сильнее было его разочарование, когда революционная волна конца 40-х годов захлебнулась в крови. Реальная Европа развивалась по тем законам, которые Герцен упорно не хотел понимать и принимать. Протестуя против самодержавия и крепостничества, Герцен вместе с тем нападал на тот слой общества, который являлся носителем просвещения, европейской культурной и цивилизационной традиции. В России модернизация и европеизация происходили исключительно сверху. И именно высшие классы несли, иногда даже сами того не желая, европейские ценности в глубины русского общества. И, надо сказать, небезуспешно. Русская нация семимильными шагами преодолевала культурный разрыв между Россией и Европой, пытаясь постичь за полторы сотни лет то, на создание чего у его европейцев ушло тысячелетие. Это неутомимое движение и постоянное напряжение сил в погоне за идеалом — характерная черта русской мысли того времени, которая за несколько десятков лет пробежала всю дорогу от сентиментализма до критического реализма. Народы Европы смотрели на вчерашних варваров, которые, несколько не смущаясь, надели европейские

платья и выучились языкам, со смесью удивления, страха и восхищения. Герцен в этом смысле был подлинно русским человеком — его юношеское увлечение социалистами было именно что игрой. Идеализм Герцена в конечном счете несмотря на всю свою западную обертку имел в корне своем исконно русское почвенничество. Герцен был лишен того практического, рассудительного характера европейских социалистов, которые примирились с неизбежностью мгновенного слома старого слоя и принялись проводить в жизнь политику постепенных реформ и компромиссов с властями.

«Государство в России — первый европеец» — так сказал в свое время Александр I. Его слова, увы, стали пророческими: с падением прежнего государства Россия выпала из лона общеевропейской цивилизации. Искренне желая блага стране, и Герцен и Чернышевский лишь приблизили катастрофу начала двадцатого века, которая сорвала Россию с рельсов европейской цивилизации и погрузила в столь ненавистное обоим болото азиатчины.

Трагедия России состояла в том, что истина всегда была на стороне охранителей — Победоносцева, Суворина, а «правда» — на стороне Герцена и Чернышевского. Революционеры в плену своих заблуждений не видели, куда ведут они страну и народ, а консерваторам не хватало того сердечного жара, жертвенного духа, готовности отдать все за свои идеалы, без которых нельзя было победить.

Из всего сказанного следует, что я не согласен с Томом Стоппардом. Герцен — не «человек на все времена»,

а личность своего времени, с присутствием ей страстями, порывами и заблуждениями. Но то, что сэр Том заинтересовался этим человеком, совсем неслучайно. Я думаю, что он, как и многие другие люди как в России, так и за ее пределами, пускай и интуитивно, но понимает, что наше время удивительно напоминает ту эпоху: обществу, а точнее его самой луч-

шей и передовой части снова надо выбирать, за кем пойти. По одну сторону — власть, а по другую — те, кто сейчас стоит на баррикадах и выходит на марши. Россия вышла на развилку, и выбор, сделанный сейчас, определит судьбу страны и тех, кто будет в ней жить, на ближайшие десятилетия. Я надеюсь, что он будет правильным.

Николай Маркоткин,
Государственный Университет — Высшая школа экономики,
факультет прикладной политологии
(III место)

Александр Герцен — человек на все времена? Отвечаю по Станиславскому: «Не верю!» Человек своего времени — да, однозначно; человек на все времена — ни в коем случае.

Как и любая историческая личность, Герцен стал тем, кем он стал, благодаря уникальному стечению обстоятельств — измените любое из них, и вы уже получите совершенно другого человека. Так, не казни царь декабристов — не было бы клятвы с Огаревым на Воробьевых горах. Стал бы в таком случае Герцен социалистом? Большой вопрос! И так со всеми значимыми для Александра Ивановича событиями: каждое из них вносило свои коррективы в его взгляды, и в результате меняло его личность.

Герцен — типичное дитя девятнадцатого века, дитя Просвещения. Он верит в разум, верит в добрую природу человека. Герцен идеалист, ему кажется, что мир можно переустроить одной лишь мыслью, не пятная руки кровавым делом террора.

В этом заключается и главный парадокс Герцена: при всей его ненависти к Николаю I, время его правления было, по сути, единственным временем, когда Герцен мог существовать. При Александре I взгляды Герцена были бы слишком дерзки, при Александре II они уже казались устаревшими. Вспомним, что говорит ему Слепцов: «Уйдите с дороги — вы отстали от времени» — в этих словах суровая правда молодости.

Герцен был человеком времени пока обретался на волне умеренного возмущения, но волна пошла дальше, а Герцен остался позади, автоматически став устаревшим в глазах его более молодых последователей. Пройдет какое-то время, и они точно также «устареют» уже для своих потомков. И так без конца. Каждое последующее поколение революционеров поносит и сметает с пути своих предшественников — таков железный закон жизни. Именно поэтому и нельзя перенести Герцена в какое-то другое время. Такая «пересадка» обречена

на провал. Герцен оставался Герценом лишь до тех пор, пока жива была его эпоха; с ее уходом исчез и он.

Действительно, разве можно представить Герцена в СССР в разгар сталинского террора или даже раньше, во время революции? Где его место на этой исторической картине? А перенесите Герцена в другую страну, да в ту же Англию, где был парламент, и не вешали декабристов. За что бы он боролся, родился он где-нибудь под Лестером? Нашлось бы там вообще место такому человеку, как Герцен, проповедующему свободу для крепостных, но продолжающему жить за их счет? Сложно сказать. Впрочем, это и не важно; главное мы видим: Герцен не отделим от своего пространства-времени, из «всех времен» ему подходит лишь то, в котором он жил.

Так кто же такой «человек на все времена», и возможен ли вообще такой человек? Я думаю, да, возможен. Для того чтобы обнаружить его, нужно лишь посмотреть на проблему под иным углом.

На мой взгляд, здесь нельзя искать какой-то человеческий «шаблон», набор черт, применимых в любом обществе. Такой подход, в конечном счете, ни к чему не приведет. Жизнь, в том числе и общественная, настолько пестра и многообразна, что даже если мы и найдем искомую универсальную комбинацию, полученный результат будет ничем иным как бесконечным списком необходимых, зачастую несовместимых черт характера. Будет потеряна целостность личности. Человек — это как раз тот случай, когда целое больше суммы частей. В нем, как в осколке Вселенной, отражена вся ее непознаваемость.

Поэтому взглянем на искомое с другой стороны: как может кто-то быть одинаково органичен в любом заданном историческом пространстве-времени? Ответ, на мой взгляд, прост. Это должен быть человек вне системы координат, в нашем случае — человек вне времени, то есть личность, для которой события внешнего мира вторичны; своего рода чужак, сумасшедший. Таких людей можно сравнить со странниками, святыми бродягами, разбросанными по дорогам жизни, на которых человек обычный время от времени натывается, совершая свой вояж от одного пункта биографии к другому: родился, женился, сам родил ребенка...

Странники обычно мало заметны в истории. В то время как «большие люди» начинают войны, открывают континенты, создают и рушат империи, тихие чудаки путешествуют между летописных строк, лишь изредка, по случаю, выходя на передний план в виде блаженных, юродивых. Такие люди суть плоть от плоти земли, сырой замшелой древности, первозданности. Они — то, чем был человек изначально, они полностью духовно автономны. Современность своим шумом и криками словно и вовсе не затрагивает их таинственного формирования, которое проходит под размеренное звучание ритма вечного покоя.

Поверхностно взглянув на этих людей, можно подумать, что жизнь их бесполезна: в ней нет места великим свершениям, преодолению себя — одно лишь движение по внутреннему течению души: влево — вправо, спуск — подъем. Но в этом-то и заключается великий замысел их суще-

ствования. Странники как бы представляют собой мост между «вчера» и «завтра», они те, кто живут сейчас.

В течение жизни обычный человек живет сначала будущим (хочет вырасти, получить диплом, продвигаться по службе), затем прошлым (вспоминает былое, жалеет об упущенных возможностях) и никогда, за исключением отдельных секунд случайного счастья, не живет настоящим. В этом плане большинство людей историчны, ибо свою жизнь они воспринимают в виде хронологической ленты. Зарубка здесь, зарубка там... Условно мы можем представить человека как песочные часы, где песок, его представление о «золотом времени» жизни, перетекает из будущего в прошлое. Когда весь песок оказывается внизу — человек умирает, и в этом событии выражается его тоска по неосуществленному счастью. Так вот, если мы представим себе эти часы, то место странников в них — в тонком перешейке между колбами. В этом смысле они не только вне времени, но и вне смерти, ибо их «золотое время» существует вместе с ними, оно растворено в каждой секунде их существования. Смерть становится лишь еще одной секундой среди многих.

Как древние духи, осколки вечности, странники раскиданы среди нас, призванные хоть раз в жизни заставить замедлить движение, остановить

тревожный взгляд, задуматься о главном. В этом плане они ценнее любых диктаторов, царей и революционеров — те лишь ускоряют наше тщетное движение.

История редко сохраняет на своих страницах имена странников. В двадцатом веке это проявилось ярче, чем когда-либо. Этот столетний отрезок всемирной хронологической ленты навсегда останется в исторической памяти под именами великих тиранов: Ленина, Гитлера, Сталина, Муссолини... И тем ценнее для нас те, кому удалось пробиться через кровавую корку современности. Странники, при жизни ушедшие в непознанное, — последнее укрытие от беспощадного молоха истории. Для меня это прежде всего имена Андрея Платонова, Нила Кэссади, Кена Кизи, особенно последнего, который смог одинаково успешно выстоять как перед любовью и славой, так и перед ненавистью и забвением, сохранив при этом изначальное творческое стремление.

Странники могут жить в любую эпоху. Человек вне времени идет по жизни с завязанными глазами и одновременно видит больше и лучше других, ибо взгляд его не замьлен повседневной суетой. Лишь вечность одна на все времена и «человек на все времена» есть осознавший себя кусок вселенской вечности.

Президент **С. П. Капица**
Никитского клуба

Вице-президент, **Н. М. Румянцева**
Исполнительный
директор

телефон 705-96-73

факс 204-48-40

эл. почта: nikitskyclub@micex.ru

<http://www.nikitskyclub.ru>

Сайт разработан и поддерживается ООО «Интернет Фабрика»

<http://www.ifabrika.ru>